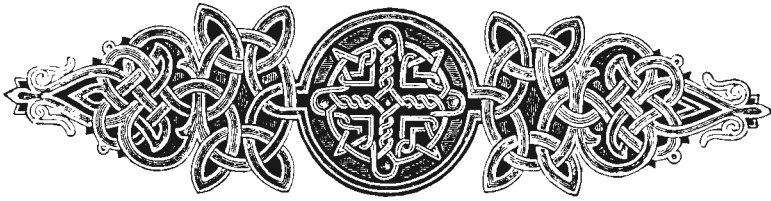

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ
НОЯБРЬ, 1900

ВЪ ТУРКМЕНСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ записокъ черноморскаго офицера).

I.

Назначеніе въ каспійскую флотилію.—Прибытіе въ Баку и представленіе адмиралу Давыдову.—Встрѣча съ Скобелевымъ.—Отплытіе въ Красноводскъ.—Армянинъ Хаджибадовъ.—Плаваніе на шхунѣ «Персіянинъ», порча машины, помощь туркменъ и Кадыръ-ханъ.—Посѣщеніе острова.—Туркменскій аулъ и туркменки.—Всеобщее угощеніе.—Ужасное порученіе Кадыръ-хана.—Трагическая исторія туркменки Саалы.—Помощь изъ Красноводска.

В 1870 ГОДУ послѣ почти трехлѣтняго сидѣнія на берегу, вслѣдствіе крайней малочисленности состава черноморскаго флота, я охотно принялъ предложеніе морскаго штаба: отправиться въ каспійскую флотилію, въ которой, по случаю прибытія отряда нашихъ войскъ въ 1869 году на юго-восточный берегъ Каспійскаго моря для рекогносцировки по Туркменской степи, потребовалось усиленное движеніе военныхъ судовъ. Въ началѣ іюня 1870 г. я отправился по назначенію.

Прибывъ въ Баку, я на другой же день явился къ командиру порта, контръ-адмиралу Давыдову. Портъ со всѣми сооруженіями и зданіемъ для каспійскаго экипажа находится на Баиловомъ мысѣ, почти въ трехъ верстахъ отъ города; дорога проходитъ по берегу самаго залива. Выслушавъ мою просьбу назначить меня на какое нибудь судно, адмиралъ, приблизительно около 60-ти лѣтъ, небольшого роста, весьма подвижный, добродушный, съ еще довольно свѣжимъ, озареннымъ радушной улыбкой лицомъ, обѣщалъ въ

тотъ же день подписать приказъ о назначеніи меня на шхуну «Персіянинъ», стоявшую тогда на посту въ Краснодарскѣ. Предложивъ мнѣ сѣсть и полюбопытствовать узнать отъ меня кое-какія свѣдѣнія объ остаткахъ черноморскаго флота, онъ подошелъ къ окну и указалъ на строящуюся близъ зданія порта церковь, возникавшую по его инициативѣ и о благолѣпіи которой онъ неустанно заботился въ продолженіе всего времени пребывания своего въ Баку. Адмиралъ, продолжая улыбаться и замѣтно волнуясь, сказалъ мнѣ: «Вотъ это мое дѣтище, еще годокъ, и церковь готова, а уѣду изъ Баку, можетъ быть, меня ктонибудь и вспомнить». Церковь дѣйствительно въ 1871 году была готова, и я былъ счастливъ, что могъ оказать услугу глубоко уважаемому адмиралу, пославъ въ томъ же году въ «Всемирную Иллюстрацію» фотографическій снимокъ церкви, съ подробнымъ ея описаніемъ. Какъ снимокъ, такъ и текстъ, были помѣщены въ «Иллюстраціи», за что адмиралъ меня сердечно поблагодарилъ.

Возвратившись въ городъ, я отправился пообѣдать въ общественное собраніе. Въ прилежающемъ къ нему тѣнистомъ садикѣ находился павильонъ, выстроенный въ персидскомъ вкусѣ; въ немъ я нашелъ небольшое незнакомое мнѣ общество: одни читали, другіе закусывали. Невольно мое вниманіе обратилъ на себя молодой ротмистръ гродненскаго гусарскаго полка, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ; помѣстившись отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, я не могъ удержаться, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ не взглянуть на его гибкую, стройную, полную очарованія, фигуру; все, начиная съ его тонкаго съ гордымъ выраженіемъ лица и благородной осанки, обнаруживало, что онъ принадлежалъ къ высшему обществу. Онъ уже кончалъ свою трапезу, по временамъ поднося къ своимъ красивымъ тонкимъ губамъ, обрамленнымъ шелковистыми русыми усами, бокаль съ шампанскимъ. Что за притча?—думалъ я,—какъ попалъ въ это захоlustье блестящій гвардеецъ, и, уже склонялся къ тому, чтобы подойти къ нему и познакомиться, какъ вдругъ, къ большому моему удовольствію, ротмистръ всталъ и самъ подошелъ ко мнѣ.

— Позвольте представиться, ротмистръ Скобелевъ,—сказалъ онъ.

— Лейтенантъ Г.,—отрекомендовался я.

— Вы, вѣроятно, недавно здѣсь? Разъѣзжая на военныхъ судахъ, я уже познакомился со многими изъ моряковъ, но васъ я не встрѣчалъ.

Побесѣдовавъ о томъ, о семъ, онъ между прочимъ сказалъ, что я, вѣроятно, не буду сожалѣть, что пріѣхалъ въ Каспій, такъ какъ мнѣ въ настоящее время предстоитъ увидѣть много интереснаго.

— Вотъ побывайте на юго-восточномъ берегу, гдѣ находится нашъ отрядъ, мы готовимся итти на рекогносцировку. Я завѣды-

ваю въ отрядѣ конницеѣ, которая состоитъ исключительно изъ казаковъ: что это за молодцы! и какое удовольствіе доставляетъ мнѣ управлять ими! — воодушевляясь и какъ-то радостно сверкая глазами, сказалъ Скобелевъ. — Я убѣжденъ, что они неподкупно рабски преданы мнѣ и избѣгаютъ подать мнѣ какой либо поводъ къ неудовольствію; они видятъ, что я близко къ своему сердцу принимаю все, что касается ихъ повседневныхъ нуждъ; стараюсь предотвратить малѣйшее, что можетъ отравить и безъ того ихъ невеселую, слишкомъ уже монотонную жизнь, этимъ же самымъ я облегчаю себѣ рѣшеніе моей дисциплинарной задачи. Мои казаки ведутъ себя безукоризненно: за все время моего командованія ими мнѣ пришлось двоихъ изъ нихъ только поставить не въ очередь на часы. Въ одну изъ рекогносцировокъ, возлѣ колодца Алатепе, уже поздно вечеромъ, — уставивъ на меня глаза, какъ бы вызывая съ моей стороны особенное вниманіе, продолжалъ Скобелевъ, — мы наткнулись на враждебный намъ туркменскій аулъ; кто только могъ изъ его жителей, всѣ скрылись въ степи, остались изъ нихъ одни немощные да дряхлые; для казаковъ было полное раздолье; при другихъ обстоятельствахъ, имѣя на это возможность, они бы не задумались навьючить своихъ лошадей всякимъ оставшимся въ сакляхъ скарбомъ; но они этого не сдѣлали, боясь оскорбить своего старшаго есаула, какъ они меня называютъ. Мы расположились на бивакахъ, возлѣ опустѣвшаго аула; на другой день рано утромъ къ намъ явились уполномоченные отъ туркменъ, покинувшихъ свой аулъ, съ изъявленіемъ покорности и съ благодарностью за ненарушимость ихъ пожитковъ. Наши солдатики, хотя и не подвергаются въ лагерѣ никакимъ лишеніямъ въ повседневной жизни, во снѣ и наяву видятъ Хиву, горять нетерпѣніемъ выступить въ походъ, и дѣйствительно эта инертность въ движеніи тяжело отзывается на ихъ моральномъ состояніи.

Скобелевъ при этомъ какъ-то особенно оживился, глаза его сверкали, говорилъ онъ горячо и видимо былъ самъ весь охваченъ обаятельною мечтой: поскорѣе ворваться съ своими, подвластными и души въ немъ не чаявшими, казаками въ Хиву.

— Милости просимъ къ намъ, въ Ташеръ-Ватъ-Кала, — продолжалъ онъ, — путь отъ Михайловскаго залива безопасенъ; къ тому же, поѣдете съ оказіей, эскортированные нашими молодцами казаками. Вы будете у насъ дорогимъ гостемъ; я васъ тамъ познакомяю съ одною интересною личностью, съ Атамуратъ-ханомъ, жаждущимъ попасть въ Хиву. Скрывшись отъ преслѣдованія хивинскаго хана и узнавъ, что русскія войска готовятся итти въ Хиву, онъ прибылъ въ прошломъ мѣсяцѣ, то-есть въ маѣ, въ Красноводскъ, явился къ начальнику отряда и предложилъ ему свои услуги, поклявшись Аллахомъ служить ему вѣрно и прося лишь объ одномъ: въ случаѣ, если русскіе возьмутъ Хиву, возвратить ему хоть часть

его конфискованнаго имущества. Ко мнѣ Атамуратъ, повидимому, чувствуетъ особенную симпатію,—улыбаясь, прибавилъ Скобелевъ.— Впрочемъ отчасти я и самъ тому причиной; какъ-то я сдѣлалъ неосторожность: видя по выраженію его лица охватившее его чувство тоски и тронувшись его безысходнымъ горемъ, чтобы утѣшить его, я пообѣщавъ по взятіи Хивы возратить ему его имущество.

Скобелевъ спѣшилъ на пароходъ, отходящій въ Красноводскъ въ этотъ день въ 3½ часа. Наша бесѣда должна была прекратиться.

— До свиданія,—сказалъ онъ,—надѣюсь увидѣться съ вами; со-вѣтую приѣхать въ Ташеръ-Ватъ-Кала; пожалуйста, не стѣсняйтесь и остановитесь у меня въ кибиткѣ.

Скобелева я больше не встрѣчалъ; по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, онъ въ самомъ скоромъ времени оставилъ отрядъ, въ которомъ, командуя кавалеріей, вмѣстѣ съ тѣмъ состоялъ по особымъ порученіямъ при начальникѣ отряда.

Послѣ шестидневнаго пребыванія въ Баку, я отправился въ Красноводскъ. Отъ Баку до Красноводска около 200 миль. Пароходъ общества «Кавказъ и Меркурій», снявшись въ 6-ть часовъ утра, прибылъ въ Красноводскъ на другой день къ 3 часамъ по полудни. Войско, т. е. красноводскій отрядъ, въ это время уже былъ перевезенъ на судахъ, а часть его перешла сухимъ путемъ на юго-западъ отъ Красноводска, къ оконечности Михайловскаго залива ¹⁾. Для охраны Красноводска оставленъ былъ одинъ баталіонъ. Трудно вообразить себѣ что нибудь печальнѣе, безотраднѣе мѣста, какимъ представился мнѣ Красноводскъ. Обнаженный скалистый берегъ, а у подножія одной изъ скалъ нѣсколько деревянныхъ построекъ и землянокъ, двѣ казармы, три лавченки и небольшая деревянная церковь. При этомъ вѣчно угрюмыя, точно озлобленныя на удручающе дѣйствовавшее на нихъ суровое однообразіе жизни, лица офицеровъ и команды. При случаѣ, каждый изъ нихъ выражалъ нетерпѣливое желаніе какимъ нибудь способомъ избавиться отъ этого гнетущаго его состоянія. Единственнымъ развлеченіемъ офицерства было собираться въ бакалейной лавкѣ армянина Хаджибалова, который, пользуясь этимъ, торговалъ на-славу; при лавкѣ онъ имѣлъ отдѣльную комнату, гдѣ уже съ утра собирались любители выпить и поиграть въ картишки. Совершенное же отсутствіе женскаго элемента и отрѣзанность отъ родины, такъ какъ пароходъ изъ Баку приходилъ всего одинъ разъ въ недѣлю и привозилъ кое-какія свѣдѣнія о томъ, что творится въ внѣшнемъ мірѣ, еще болѣе наводили тоску.

Шкуна «Персіянинъ» всецѣло была назначена для нуждъ отряда,

¹⁾ Въ 37 миляхъ на юго-западъ отъ Красноводска начинается заливъ, протяженіе котораго еще 40 миль.

но по мелководію Михайловскаго залива грузъ уже по всему его протяженію перевозился на баржахъ, буксируемыхъ военными паровыми барказами. Шкуна, прибуксировавъ баржи до острова Рау, у входа въ Михайловскій заливъ, должна была передавать баржи для буксировки по немъ паровому барказу.

Однажды во время буксированія баржи съ провіантомъ и другими необходимыми для отряда матеріалами, ушедшаго съ нами парового барказа, близъ острова Рау, испортилась машина; положеніе было чрезвычайно затруднительное; отрядъ могъ пострадать отъ недостатка провизіи. Мы вынуждены были обратиться къ помощи нашихъ, находящихся къ намъ въ мирныхъ отношеніяхъ, сосѣдей туркменъ. Въ 9-ти миляхъ отъ насъ, къ сѣверу-востоку, находился островъ «Челекенъ», населенный туркменами. Такъ какъ шкуна не прекращала паровъ, то мы немедленно направились къ этому острову и, подойдя къ нему на довольно близкое разстояніе, сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ орудій. Черезъ часъ къ намъ подошла туркменская лодка съ 12-ю человекѣми туркменъ, большая часть которыхъ были старшины. Когда они поднялись на шкуну, между ними особенное вниманіе наше обратилъ на себя одинъ старикъ, средняго роста, коренастый, съ большими, сѣрыми, привѣтливо глядѣвшими глазами; богатый костюмъ его рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ. Онъ былъ одѣтъ въ суконный халатъ голубого цвѣта, опоясанный дорогимъ поясомъ, щегольскіе сапоги и высокая конусообразная изъ черныхъ смушекъ папахѣ дополняла его костюмъ. При появленіи этой личности на палубѣ послышались радостныя привѣтственные восклицанія: «Кадыръ-ханъ! Кадыръ-ханъ!»; то и дѣло раздавались эти слова на шкунѣ. Калитанъ обнялъ его и поцѣловался съ нимъ. Кадыръ-ханъ назвалъ по фамиліи нѣсколько офицеровъ и, казалось, былъ очень доволенъ неожиданной встрѣчей съ своими старыми знакомыми. Онъ довольно хорошо говорилъ по-русски. Семидесятилѣтній старецъ, еще съ горящими въ глубокихъ впадинахъ глазами, умный, храбрый и честный Кадыръ-ханъ завоевалъ себѣ уваженіе туркменъ и сдѣлался настолько популяренъ, что изъ самыхъ отдаленныхъ ауловъ туркмены пріѣзжали къ нему на островъ и безапелляціонно отдавали себя на его судъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ханомъ на Астрабадской морской станціи. Обладая большею частью острова Челекена, имѣя громадную стада овецъ и лошадей, богатый Кадыръ-ханъ, только изъ одной дружбы къ русскимъ, пріѣхалъ на станцію и сдѣлался посредникомъ между станціей и своими соотечественниками. Гордый старшина туркменъ, скоро усвоивъ себѣ нашъ образъ жизни и привычки, не пожелалъ себя стѣснять ни въ чемъ; онъ не щадилъ денегъ, роскошно обставилъ свою саклю и зажилъ на станціи, какъ истый баринъ, угощая своихъ друзей русскихъ; къ нему привозились изъ Россіи самыя дорогія вина,

лучшія блюда въ персидскомъ вкусѣ можно было оцѣнить только у Кадыръ-хана. Но веселая и разгульная жизнь не мѣшала ему добросовѣстно заниматься своимъ дѣломъ, для котораго онъ былъ призванъ на станцію. Имѣя вѣрныхъ лазутчиковъ, онъ зналъ, когда и въ какомъ мѣстѣ туркмены выходили на своихъ кулазахъ дѣлать набѣги, и сейчасъ же давалъ знать начальнику станціи. Вліятельный Кадыръ-ханъ всегда находилъ возможность наказать виновныхъ и возратить ими награбленное, а плѣнные персы возвращались иногда даже изъ Хивы и Бухары. За свою полезную службу на станціи Кадыръ-ханъ удостоился получить отъ государя императора Александра II въ подарокъ богатый кинжалъ, усыпанный дорогими камнями. Около 10 лѣтъ онъ былъ ханомъ на станціи, но по разстроенному здоровью оставилъ свой постъ и уѣхалъ доживать послѣдніе годы на Челекенъ.

На палубѣ у насъ былъ приготовленъ завтракъ; мы просили Кадыръ-хана и другихъ старшинъ раздѣлить нашу трапезу, въ продолженіе которой переговоры наши о дѣлѣ окончились вполне удачно; намъ обѣщали 20 туркменскихъ лодокъ, годныхъ для перевозки провіанта. Болѣе всѣхъ за столомъ говорилъ Кадыръ-ханъ. Онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ свою жизнь на станціи и при этомъ пропивалъ вино; проглотивъ его нѣсколько рюмокъ, онъ сдѣлался преселымъ собесѣдникомъ. Шкуна должна была ожидать обѣщанныхъ лодокъ до слѣдующаго дня. Намъ хотѣлось воспользоваться этимъ временемъ и побывать на Челекенѣ. Къ общей нашей радости, Кадыръ-ханъ просилъ насъ посѣтить его жилище. Принявшихъ его предложеніе оказалось нѣсколько человекъ. Черезъ 20 минутъ мы были уже на берегу. Тамъ, въ ожиданіи старшинъ, стояли нѣсколько прекрасныхъ туркменскихъ лошадей. Старшины сѣли на лошадей своихъ вожатыхъ, а намъ предложили своихъ. Такъ какъ я болѣе другихъ занимался Кадыръ-ханомъ, то онъ мнѣ отдалъ свою лошадь; обдѣланная въ серебро уздечка, подушка сѣдла, покрытая малиновымъ бархатомъ, на богатомъ вышитомъ чепракѣ, разноцвѣтныя ленты, вплетенныя въ длинную гриву, — все это вполне шло къ этому благородному и граціозному животному. Конь этотъ быстро понесъ меня по направленію къ аулу, песчаные бугры мелькали передо мной, и я не успѣлъ опомниться, какъ онъ почти уткнулся въ кибитку. Появленіе мое очень удивило туркменъ, а влѣдъ за мной прибыли и мои товарищи съ сопровождавшими ихъ старшинами.

Вѣсть о нашемъ прибытіи быстро разнеслась по сосѣднимъ ауламъ; толпа любопытныхъ постоянно прибывала. Кадыръ-ханъ пригласилъ насъ въ свою кибитку; внутри она была обтянута «паласами» ¹⁾, полъ былъ устланъ кошмами, а возлѣ стѣнъ стояло

¹⁾ Туркменскіе ковры.

нѣсколько тахтъ ¹⁾, на которыхъ лежали цилиндрическія подушки. Мы съ большимъ удовольствіемъ размѣстились на этихъ удобныхъ диванахъ и были очень довольны, что могли на время скрыться отъ утомительной жары. Войлокъ, прикрывающій нижнюю часть кибитки, былъ приподнятъ, и воздухъ свободно врывался внутрь. Пока Кадыръ-ханъ хлопоталъ объ угощеніи своихъ гостей, толпа туркменъ со всѣхъ сторонъ осаждала кибитку, а старшины свободно входили въ нее и, привѣтствуя насъ, садились на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли самоваръ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей подтрунивали, что не мѣшало бы Кадыръ-хану пригласить хорошенькую туркменку разливать чай; не успѣли остальные выразить одобреніе такой прекрасной мысли, какъ въ кибитку вошли двѣ женщины: одна изъ нихъ была жена Кадыръ-хана, другая—его племянница, очень миловидная дѣвушка, лѣтъ 18-ти. Лица этихъ женщинъ были открыты, и онѣ очень привѣтливо съ нами раскланялись. Молодая дѣвушка была въ красивомъ, оригинальномъ костюмѣ: въ шелковой голубого цвѣта рубахѣ, съ широкими складками на груди, въ розовомъ шелковомъ бешметѣ (родъ гусарскаго доломана) и такого же цвѣта широкихъ шароварахъ; ноги ея были обуты въ кожаныя туфли на высокихъ каблукахъ. Посрединѣ кибитки онѣ разостлали разноцвѣтную скатерть, и молодая хозяйка очень искусно исполняла свою обязанность, разливая чай. Она собрала съ тахтъ нѣсколько подушекъ, положила ихъ на полъ и по туркменскому кодексу приличій пригласила насъ занять мѣста. Мы были убѣждены, что женщины эти не понимаютъ по-русски, а потому позволяли себѣ вслухъ восхвалять красоту молодой дѣвушки; но мнѣ показалось, что она поняла нашъ разговоръ, черные глаза ея быстро опустились внизъ, а щеки покрылись яркимъ румянцемъ. Я спросилъ, какъ ее зовутъ.—Саала,—отвѣтила она. Съ большимъ трудомъ мы могли объясняться съ ней; хотя трудно, но можно было понять изъ ея разговора, что она дѣвочкой жила съ Кадыръ-ханомъ на Астрабадской станціи и выучилась тамъ немного говорить по-русски. Вскорѣ явился и самъ Кадыръ-ханъ; за нимъ нѣсколько туркменъ несли въ деревянныхъ мискахъ пловъ, кибавъ, кислое молоко и нѣсколько бутылокъ вина. Мы просили Кадыръ-хана, чтобы онъ съ своими домочадцами и старшинами также принялъ участіе въ общей трапезѣ. Какъ видно, Кадыръ-ханъ въ присутствіи своихъ соотечественниковъ не хотѣлъ совершенно измѣнить своихъ обычаевъ; видимо только ради насъ появилась одна надломленная ложка, которая переходила по очереди въ наши руки, туркмены же ѣли руками. Чтобы не обидѣть хозяина, мы не должны были отказываться ни отъ одного изъ національныхъ блюдъ, которыя, не имѣя при томъ ни-

¹⁾ Родъ низенькаго диванчика безъ спинки.

какого аппетита, испробовали не безъ нѣкоторой брезгливости, глядя на тщательное облизываніе туркменами своихъ пальцевъ. Къ счастью, насъ выручилъ неожиданный случай и далъ намъ возможность, не обижая хозяина, отказаться отъ тяжелаго для насъ туркменскаго хлѣбосоляства.

На дворѣ, у самой кибитки, мы услышали необыкновенный шумъ. Выйдя, я увидѣлъ какого-то туркмена безъ папахи, съ разстроеннымъ лицомъ, который видимо желалъ пробраться сквозь толпу въ кибитку. Онъ обратился ко мнѣ съ умоляющимъ лицомъ и, дѣлая отчаянные жесты, что-то говорилъ; оказалось, что лошадь задѣла копытомъ по головѣ его сына, и онъ просилъ доктора оказать ему помощь (туркмены знаютъ, что на военномъ суднѣ есть докторъ). Мы, конечно, тотчасъ же распорядились послать шлюпку на шхуну за докторомъ, а сами отправились къ мѣсту происшествія. Подавъ раненому первоначальную помощь, мы велѣли перенести его въ кибитку. Скоро прѣхалъ докторъ и перевязалъ рану. Ребенокъ почувствовалъ облегченіе и началъ говорить. Нужно было видѣть при этомъ радость его матери, которая со слезами на глазахъ бросилась къ намъ и цѣловала наши платья.

Присутствіе наше въ аулѣ видимо доставляло большое удовольствіе туркменамъ, они не оставляли насъ ни на минуту и слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Когда мы входили въ нѣкоторыя кибитки; то находили тамъ только женщинъ и дѣтей; женщины смотрѣли на насъ и посмѣивались; очень немногія при появленіи нашемъ закрывали слегка свои лица. Туркменскія женщины очень трудолюбивы и оказываютъ большую помощь своимъ мужьямъ. Болѣе всего онѣ занимаются выдѣлываніемъ паласовъ и кошмъ, которые въ значительномъ количествѣ расходятся по Кавказу и отвозятся даже на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Въ одной кибиткѣ мы застали за работой 10 дѣвушекъ; это была въ небольшомъ видѣ своего рода фабрика: 4 изъ нихъ пряли шерсть, а остальные выдѣлывали паласы; когда мы вошли, онѣ съ любопытствомъ осматривали насъ и, перешептываясь между собой, спокойно продолжали работать. Туркменскія женщины пользуются гораздо большею свободой, чѣмъ женщины другихъ восточныхъ народовъ. Туркмены почти не придерживаются полигаміи, рѣдко кто изъ нихъ имѣетъ двухъ женъ, и поэтому ихъ женщины и въ семьѣ пользуются болѣе солиднымъ положеніемъ. Туркмену бросить свою жену и жениться на другой безъ серіозной причины вовсе не легко; но невѣрной женѣ, а также ея любовнику, большею частью угрожаетъ смерть.

Кадыръ-ханъ не желалъ насъ скоро выпустить изъ своего аула, онъ просилъ насъ опять зайти къ нему, чтобы выпить кахетинскаго вина. Онъ пилъ за здоровье каждаго изъ насъ и въ концѣ концовъ такъ развеселился, что велѣлъ принести трех-

ведерный бурдюкъ вина и отдалъ его туркменамъ; при этомъ мы отъ души хохотали, смотря на происходившія передъ нами довольно комическія сцены: туркмены пили вино прямо изъ бурдюка и вырывали его другъ у друга, и если ктонибудь изъ нихъ долго держалъ во рту трубочку, которая была вставлена въ бурдюкъ, то его сейчасъ же со всѣхъ сторонъ толкали, начиналась драка, бурдюкъ переходилъ въ слѣдующія руки, и опять повторялась та же исторія.

Когда мы собирались уже отправиться на шхуну, Кадыръ-ханъ подошелъ ко мнѣ и просилъ переговорить съ нимъ, для чего и повелъ меня въ другую кибитку, стоявшую въ нѣсколькихъ шагахъ; стѣны ея увѣшаны были дорогими ружьями, пашками и кинжалами. Когда мы съ нимъ заняли мѣста, Кадыръ-ханъ, прежде чѣмъ начать говорить, нѣсколько секундъ, мрачно насушивъ свои густыя сѣдыя брови, пристально на меня смотрѣлъ и глубоко вздохнулъ; онъ прошепталъ нѣсколько словъ, упоминая Аллаха. Я весь превратился въ слухъ, ожидая, что скажетъ мнѣ Кадыръ-ханъ послѣ такого страннаго вступленія.

— Когда я былъ у тебя на шхунѣ,—началъ онъ,—ты сказала, что поѣдешь въ Ташеръ-Ватъ-Кала.

— Да,—отвѣтилъ я,—и, вѣроятно, поѣду очень скоро.

— У полковника Столѣтова,—продолжалъ Кадыръ-ханъ,—служить ханъ Дундуръ ¹⁾.

Я замѣтилъ, что, произнося имя Дундура, Кадыръ-ханъ задрожалъ, и лицо его даже сдѣлалось непріятно отъ выраженія гнѣва и злости.

— Это мой злѣйшій врагъ; когда я его убью, тогда только Аллахъ прѣститъ мнѣ, и я умру спокойно. Я убилъ бы самъ Дундура, но полковникъ его любитъ и разоритъ мой аулъ; скажи своимъ солдатамъ, пусть они его убьютъ; я тебѣ дамъ за это много золота,—и какъ будто для того, чтобы сильнѣе подѣйствовать на меня, онъ досталъ изъ сундука жестяную коробку, наполненную червонцами.

— Вотъ здѣсь,—сказалъ онъ,—1.000 червонцевъ, я тебѣ ихъ отдамъ, только привези мнѣ голову Дундура.

Когда же я ему объяснилъ, что мнѣ нельзя исполнить его просьбу, Кадыръ-ханъ глубоко вздохнулъ, и слезы потекли по его выражавшему полное отчаяніе лицу. Прощаясь съ Кадыръ-ханомъ, я поблагодарилъ его за радушный пріемъ и пожелалъ ему имѣть голову Дундура.

Войдя въ кибитку, въ которой оставилъ своихъ товарищей, я уже не засталъ ихъ здѣсь. Саала сидѣла на тахтѣ; въ эту минуту

¹⁾ Дундуръ служилъ въ отрядѣ полковника Столѣтова и былъ посредникомъ для переговоровъ съ туркменами.

я очень пожалѣлъ, что не зналъ туркменскаго языка и не могъ побесѣдовать съ этою очень привлекательною дѣвушкой.

— Ты уже ѣдешь на Аширь¹⁾,—съ трудомъ проговорила она, когда я, привставъ, взялъ съ тахты свою фуражку.

Какъ видно, Саала хорошо помнила Ашираде. Я, сколько могъ, старался понимать ея разговоръ и удовлетворять ея любопытству. Она очень желала снова возвратиться на станцію и пожить между русскими.

— Русскій хорошъ,—нѣсколько разъ повторяла она.

Туркменки не славятся красотой, лица ихъ напоминаютъ татарокъ. Саала же своимъ миловиднымъ, смуглымъ личикомъ похожа была скорѣе на цыганку. Когда я ей сказала, что Кадыръ-ханъ опять поѣдетъ на станцію и возьметъ ее съ собою, черные глаза ея заблестали отъ удовольствія; вѣроятно, она повѣрила мнѣ, потому что лицо ея засіяло, и она захопала руками. Оправивъ выбившуюся изъ-за уха прядь волосъ, она какъ будто для того, чтобы отблагодарить меня, сняла висѣвшую на гвоздѣ стальную пластинку, на которой были натянуты нѣсколько струнъ, и, ударяя по нимъ своими пальцами, извлекла изъ нихъ тихіе, мелодическіе, полные гармоніи звуки.

— Ты хорошая, Саала,—сказалъ я.

— Для Саала туркмень не хорошъ,—отвѣтила она.

Вошелъ Кадыръ-ханъ и нѣжно поцѣловалъ ее въ лобъ; при этомъ у меня невольно явилась мысль, не отца ли Саалы убилъ Дундуръ; я спросилъ объ этомъ у Кадыръ-чана, и предположеніе мое оправдалось. Кадыръ-ханъ дышащимъ ненавистью и злобой голосомъ началъ свой разговоръ; онъ говорилъ медленно, съ разстановкой, точно припоминая послѣдовательно всѣ минуты ужаснаго событія. Оказалось, что Дундуръ хотѣлъ взять себѣ Саалу въ жены, но она его не любила, и отецъ не хотѣлъ отдать ему свою дочь, хотя Дундуръ и предлагалъ большой калымъ²⁾. Когда же Дундуръ потерялъ надежду на добровольное соглашеніе, то, воспользовавшись темною ночью, хотѣлъ украсть Саалу, ворвался въ кибитку брата Кадыръ-хана и убилъ его. Саалу отняли отъ похитителей на берегу, когда уже ее хотѣли бросить въ лодку; схватили также одного изъ разбойниковъ и накормили имъ собакъ, но самъ Дундуръ ускользнулъ.

При имени Дундура Саала вздрогнула, оставивъ на меня свои большіе черные глаза; замѣтный испугъ выразился на ея прежде спокойномъ личикѣ. Кадыръ-ханъ сейчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Когда мы сѣли на лошадей, я увидѣлъ стоявшую возлѣ

¹⁾ Такъ называлась Астрабадская морская станція.

²⁾ Выкупъ.

кибитки стройную красивую фигуру Саалы. Вѣтеръ развѣвалъ граціозно наброшенный на ея плечи доломанъ и прихотливо игралъ распущенными волосами ея длинной косы. Подъѣхавъ къ ней, я подалъ ей руку.

— Прощай, пріѣзжай къ намъ,—сказала она.

Все, начиная съ природы, было грубо, дико, ничто не гармонировало съ этимъ изящнымъ существомъ, въ задумчивомъ взглядѣ котораго какъ бы выражалось желаніе лучшей обстановки, лучшей жизни.

Уже поздно мы возвратились на шкуну. На другой день, съ помощью туркменскихъ лодокъ, отрядъ былъ избавленъ отъ угрожавшей ему крайности. Когда мы возвратились черезъ три дня изъ Красноводска съ исправленнымъ баркасомъ, то почти весь грузъ съ баржи былъ перевезенъ въ Михайловскій заливъ.

II.

Капитанъ Малама.—Поѣздка въ Туркменскую степь.—Ночь въ укрѣпленіи Мула-Кари.—Лагерь въ оазисѣ Ташеръ-Ватъ-Кала (крѣпость для невѣрныхъ женъ).—Закупка верблюдовъ.—Жадность и обманы хана Дундура.—Опасность отъ тигра и помощь Дундура.—Атамуратъ-ханъ.—Полковникъ Маркозовъ и его «рекогносцировка» къ Хивѣ.—Довѣріе къ русскимъ со стороны туркменскихъ племенъ.—Обратная поѣздка изъ степи.—Встрѣчи въ степи.—Песчаный бурянь и потеря дороги.—Возвращеніе въ Михайловскій заливъ.

Изъ Красноводска съ нами прибылъ, чтобы отправиться въ Ташеръ-Ватъ-Кала, начальникъ штаба при отрядѣ, капитанъ генеральнаго штаба Малама¹⁾, который, узнавъ, что я желаю побывать въ штабъ-квартирѣ, предложилъ мнѣ воспользоваться удобнымъ случаемъ съѣздить съ нимъ въ туркменскія степи. Въ 11 часовъ утра, исправивъ поврежденія машины въ баркасѣ, мы отправились на немъ и къ 5 часамъ по полудни прибыли въ глубину Михайловскаго залива, гдѣ былъ расположенъ первый эшелонъ отряда. Здѣсь стояло около ста верблюдовъ, которые навьючивались перевезеннымъ грузомъ для отправленія въ Мула-Кари и Ташеръ-Ватъ-Кала. Когда мы оставили Михайловскій заливъ, солнце уже было близко къ закату. Дорога сначала, версты три, пролегла по берегу залива; потомъ мы поднялись по небольшой, отлогой возвышенности, чтобы углубиться въ степь. Съ этого мѣста Михайловскій заливъ похожъ былъ на нѣсколько рѣченковъ, вслѣдствіе безчисленнаго множества находящихся на немъ островковъ. Чѣмъ далѣе мы углублялись въ степь, тѣмъ все уже и уже казались

¹⁾ Въ настоящее время генералъ-лейтенантъ, наказный атаманъ Кубанской области.

сзади насъ блестящія водяныя полосы и, наконецъ, совсѣмъ исчезли въ сплошной массѣ раскинувшихся на большомъ пространствѣ островковъ. Впереди насъ открылась громадная, необъятная степь, которая скоро охватила насъ своею однообразною мертвящею пустотой. Лошади вязли въ глубокомъ пескѣ, непрерывно огибая бугры и слѣдуя по пятамъ за передовымъ вожатымъ туркменомъ, который съ полною самоувѣренностью молчаливо буксировалъ насъ въ этомъ необозримомъ песчаномъ морѣ. Наступила ночь. Нельзя представить себѣ ничего безотраднѣе впечатлѣнія, навѣваемаго этою глухою мѣстностью: ни малѣйшихъ признаковъ жизни, никакого живого существа; кругомъ тишина, только песчаные бугры безпрестанно мелькали передъ нашими глазами. Молча подвигались мы впередъ, старательно вглядываясь въ даль. Порою появлявшійся кустикъ изсохшаго бурьяна пугалъ лошадей, онѣ фыркали, бросались въ сторону; невольно чувствовалась какая-то нервная дрожь, глаза быстро и подозрительно перебѣгали по всѣмъ направленіямъ, какъ будто отыскивая причину такого неприятнаго ощущенія. Уже пять часовъ мы были въ дорогѣ, и по нашему расчету до Мула-Кари осталось не болѣе 4-хъ верстъ. Лошади уже не такъ вязли въ пескѣ. Наконецъ, мы выбрались на совершенно ровную, гладкую равнину. Лошади, почувствовавъ облегченіе, участили шагъ. Мы соединились въ одну группу, пріободрились какъ-то особенно, и молодцы казаки затынули пѣсенку: эта звонкая, удалая пѣсня въ этой дикой и безмолвной пустынѣ ласкала слухъ.

— Наконецъ добрались!—сказалъ Малама.

Въ небольшой лоцинѣ замелькали огни, просвѣчивающіе изъ прозрачныхъ палатокъ наружу. Мы спустились въ лоцину, огни исчезли, показался редуть, на которомъ двигались взадъ и впередъ силуэты часовыхъ.

— Кто идетъ?—послышался голосъ.

Мы обмѣнялись паролемъ и въѣхали въ укрѣпленіе. Воинскій начальникъ, штабсъ-капитанъ Якубовскій, пригласилъ меня и Маламу въ свою кибитку. На другой день утромъ мы продолжали свой путь. Укрѣпленіе Мула-Кари расположено было на срединѣ пути между Михайловскимъ заливомъ и Ташеръ-Ватъ-Кала. Намъ оставалось проѣхать еще 23 версты. Путь этотъ не представлялъ неудобствъ нашей предшествовавшей поѣздки. Около десяти верстъ мы ѣхали по довольно твердому грунту, потомъ, хотя дорога наша измѣнилась немного къ худшему, но все-таки не было тѣхъ ужасныхъ глубокихъ песковъ, изъ которыхъ съ трудомъ могли выбираться лошади. Самымъ замѣтнымъ и вѣрнымъ маякомъ мѣста, къ которому мы двигались, была гора Большой Балханъ, недалеко отъ западнаго подножія южной оконечности которой былъ разбитъ лагерь. Ташеръ-Ватъ-Кала расположенъ въ балкѣ и открылся передъ нами въ разстояніи одной версты. Я былъ немало удивленъ,

увидѣвъ въ самомъ лагерѣ густую зеленую рощу, рѣзко выдѣляющуюся на желтомъ фонѣ песчаной степи. Возлѣ лагеря насъ встрѣтило почти все офицерство, обрадованное въ ожиданіи полученія новостей, писемъ или посылокъ. Трудно было въ этой мѣстности найти болѣе выгодныя условія для расположенія лагеря. Нѣкоторые офицеры выстроили себѣ своими средствами небольшіе каменные домики; каждая рота имѣла свою пекарню и общую, довольно удобную баню. Надъ небольшимъ ущельемъ, тянувшимся вдоль лагеря, на протяженіи ста сажень, стояло полуразрушенное четырехугольное каменное строеніе до 60 фут. длины и до 40 фут. ширины; къ какому времени оно принадлежало, трудно опредѣлить. По преданіямъ, оставшимся у туркменъ, внутри этихъ глухихъ стѣнъ когда-то, въ отдаленное время, томились невѣрныя туркменскія жены. Самое названіе этого строенія Ташеръ-Ватъ-Кала, что означаетъ каменная женская крѣпость, дѣлало нѣсколько правдоподобнымъ такое преданіе. Отрядъ не щадилъ этой археологической древности; стѣны быстро уничтожались для болѣе существенныхъ построекъ. Одно изъ самыхъ главныхъ удобствъ, которымъ пользовались войска, была прекрасная ключевая вода; она пробивалась въ ущельѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и образовывала небольшой ручеекъ; тутъ же около ущелья вырытъ былъ бассейнъ, который служилъ купальней, но я замѣтилъ, что не все охотно купались въ этой водѣ, такъ какъ въ ней обитало много цѣвковъ.

Начальникъ отряда, полковникъ генеральнаго штаба Столѣтовъ, употреблялъ все зависящія отъ него мѣры, чтобы поддержать дружественныя отношенія съ туркменами, и своею корректною политикой съ ними дѣйствительно склонилъ ихъ на свою сторону, приобрѣлъ безусловно себѣ довѣріе туркменъ, входившихъ въ какое либо соприкосновеніе съ отрядомъ. Туркмены эти, по первому требованію, если только было для нихъ возможно, доставляли верблюдовъ, служили хорошими проводниками, сами, по своему желанію, нанимались работниками и оказывались честными и трудолюбивыми людьми. Они нерѣдко, безъ всякаго съ нашей стороны надзора, отвозили на верблюдахъ доставляемый на судахъ провіантъ и все тяжести отряда къ мѣсту пребыванія войскъ. Въ Ташеръ-Ватъ-Кала существовали особые склады, изъ которыхъ выдавались за самую ничтожную плату, а нѣкоторымъ бѣднымъ туркменамъ и даромъ, крупа, мука, масло, сахаръ и чай. Кромѣ того, всякія оказанныя съ ихъ стороны услуги щедро оплачивались; но эти же самые туркмены, впоследствии, какъ читатель увидитъ ниже, чуть не искрошили своего благодѣтеля, и только одной слѣпой случайности былъ обязанъ полковникъ Столѣтовъ, что избѣжалъ ихъ фанатической мести.

Главная забота отряда состояла въ томъ, чтобы приобрести какъ можно болѣе верблюдовъ. Покупкой ихъ исключительно за-

нимался ханъ Дундуръ, который состоялъ при начальникѣ отряда. Ни одинъ туркменъ не производилъ на меня такого неприятнаго впечатлѣнія, какъ эта личность: высокій, тощій, съ апатичною физиономіей, онъ походилъ скорѣе на киргиза, чѣмъ на туркмена: много хитрости и лукавства скрывалось въ его вѣчно исподлобья смотрящихъ глазахъ. Его не любили всѣ въ отрядѣ, исключая начальника отряда, который, вѣроятно, усматривая во влияніи этого хана на туркменовъ нѣкоторую выгоду для отряда, довѣрялся ему; еслибъ онъ могъ предвидѣть, чѣмъ отплатить ему Дундуръ за такое довѣріе, то, безъ сомнѣнія, онъ бы тогда же его повѣсилъ. На другой день нашего пріѣзда капитанъ Малама велѣлъ позвать къ себѣ въ кибитку Дундура, чтобы отдать ему краны ¹⁾ для покупки верблюдовъ; ханъ вошелъ и едва кивнулъ намъ головой; во взглядахъ и движеніяхъ его проглядывало нахальство; видно было, что онъ сознавалъ свою силу, конечно, истекавшую изъ расположенія къ нему начальника отряда. Капитанъ Малама показалъ ему на холщевый мѣшокъ, наполненный кранами; опредѣливъ сумму, онъ предложилъ Дундурѣ провѣрить самому; тотъ высыпалъ краны на кровать Маламы, началъ быстро считать ихъ, непрерывно произнося какіе-то гортанные звуки.

Верблюды каждый день пригонялись туркменами по нѣсколько десятковъ. Какъ-то ханъ пришелъ объявить, что купилъ 15 верблюдовъ и заплатилъ за cadaго по 450 крановъ; такая высокая цѣна изумила насъ. Мы пошли посмотрѣть на это пріобрѣтеніе и немало были удивлены, увидѣвъ тощихъ и хилыхъ верблюдовъ. Такой крайне возмутительный поступокъ заставилъ Маламу приказать хану взять обратно деньги у туркменъ. Кромѣ того, что Дундуръ получалъ довольно большое жалованье, ему дѣлали богатые подарки, и онъ пользовался съѣстными продуктами. Дундуръ вообще простиралъ свою цѣпкую руку ко всему и не просилъ, а требовалъ все, что ему было нужно; въ случаѣ же отказа онъ грозилъ оставить лагерь. Я самъ присутствовалъ при томъ, какъ онъ приходилъ или присылалъ своихъ слугъ къ капитану Маламѣ требовать нѣсколько головъ сахару и фунтовъ чая, подъ предлогомъ, что къ нему пріѣхали гости, которыхъ онъ долженъ одарить и сдѣлать достойный его сана пріемъ. Дундуръ, какъ видно, задался мыслію, какъ можно больше нажитья, и удачно достигалъ своей цѣли до послѣдняго момента. Замѣтивъ же, что его плутни начали обнаруживаться, онъ успѣшилъ скрыться изъ лагеря.

Однажды вечеромъ мнѣ случилось остаться одному въ кибиткѣ; въ ожиданіи Маламы я читалъ газету. Было около десяти часовъ; въ лагерь наступила тишина; вдругъ я увидѣлъ просовывающуюся въ дверцахъ кибитки, согнувшуюся въ дугу фигуру Дун-

¹⁾ Стоимость крана—30 коп. Нашихъ бумажныхъ денегъ туркмены не брали.

дура; я почувствовалъ неприятное ощущеніе въ родѣ того, какое чувствуется при приближеніи отвратительной гадины, ослабившееся, когда вслѣдъ за нимъ вошелъ толмачъ. Я сказалъ переводчику, чтобы онъ спросилъ Дундура, «не понадобитсяъ ли ему голова сахара». Дундуръ по выраженію моего лица замѣтилъ насмѣлку въ моемъ вопросѣ и отвѣтилъ, что у меня онъ ничего не желаетъ просить, и уже собирался уйти, когда я попросилъ его и толмача остаться на нѣсколько минутъ, говоря, что капитанъ скоро придетъ. Я спросилъ Дундура, знаетъ ли онъ Кадыръ-хана. Мнѣ не случилось еще видѣть такого устремленнаго на меня, выражавшаго гнѣвъ, взгляда; казалось, зрачки его глазъ хотѣли выскочить, такъ пристально обмѣривалъ онъ меня съ головы до ногъ. Мнѣ кажется, что еслибъ онъ могъ безнаказанно меня убить, то не задумался бы вонзить въ меня свой кинжалъ, рукоятку котораго уже обхватила его дрожащая рука. «Ты былъ на Челекенѣ?»—спросилъ онъ меня черезъ переводчика. Не говоря ни слова о моей бесѣдѣ съ Кадыръ-ханомъ, я сталъ хвалить красоту Саалы, совѣтовалъ ему побывать на Челекенѣ и далъ ему замѣтить, что бывший врагъ его уже не питаетъ къ нему прежней вражды. Этотъ грубый, жестокій, необузданный дикарь чуть не со слезами на глазахъ просилъ меня рассказать ему, что я знаю о предметѣ его страсти. Но къ большому моему удовольствію и видимо къ немалой досадѣ Дундура, поморщившагося при необходимости прервать нашу бесѣду, въ кибитку вошелъ Малама... Что было дороже для Дундура—нѣсколько фунтовъ табаку, который онъ выпросилъ у капитана, или рассказъ мой о Саалѣ? Вѣроятно, послѣднее. Уходя и прощаясь со мною, онъ въ первый разъ приложилъ ко лбу ладонь.

Дундуръ, вѣроятно, по его соображеніямъ находилъ, что я могу оказать ему нѣкоторую помощь въ его любовныхъ дѣлахъ. Я имѣлъ несомнѣнныя доказательства убѣдиться въ томъ, что я пока ему нуженъ, а иначе онъ совершенно хладнокровно отнесся бы къ тому, что однажды моя жизнь находилась въ опасности. Капитанъ Малама приобрѣлъ маленькаго тигренка, ему была вырыта возлѣ самой кибитки яма, 2-хъ сажень въ діаметрѣ и аршинъ глубины, гдѣ тигренокъ и проживалъ привязанный на цѣпи. Въ мое присутствіе въ Ташеръ-Ватъ-Кала, тигренку этому было уже три мѣсяца, и когда кто близко приближался къ его берлогу, онъ уже рычалъ, скаля при этомъ зубы. Какъ-то, выходя изъ кибитки, я совершенно потерялъ изъ виду опаснаго сосѣда; оступившись я полетѣлъ въ ничѣмъ не загороженную яму; я услышалъ въ эту минуту неистовое рычаніе звѣря; но, вѣроятно, ошеломленный въ первую минуту, онъ далъ возможность подбѣжавшему въ это время Дундурѣ помочь мнѣ выскочить изъ ямы. Тигренка этого въ скоромъ времени по отъѣздѣ моемъ изъ лагеря застрѣлили.

Насколько была антипатична личность Дундура, настолько же внушала къ себѣ довѣріе и возбуждала общую симпатію въ отрядѣ другая личность: это Атамуратъ-ханъ, не имѣвшій въ отрядѣ особеннаго значенія и пока не игравшій никакой роли.

Находясь подъ впечатлѣніемъ моего разговора въ Баку со Скобелевымъ, обрисовавшимъ его съ прекрасной стороны, я просилъ Маламу пригласить Атамурата напиться съ нами чая. Малама послалъ за нимъ своего переводчика. Атамуратъ не заставилъ долго себя ожидать; черезъ четверть часа онъ вошелъ къ намъ въ кибитку, сопровождаемый посланнымъ. Это былъ высокаго роста старикъ лѣтъ за 60, съ длинной сѣдой бородой и сѣдыми навислыми, на глубоко запрятанные, темносѣрые глаза, бровями, съ крупными, но довольно симпатичными чертами задумчиваго лица. Атамуратъ, поклонившись намъ и, по приглашенію Маламы, усѣвшись на разостланный на полу кибитки коверъ, взялъ своими жирными загорѣвшими руками изъ рукъ капитана поднесенную ему чашку чая. По его разговору можно было заключить, что онъ сильно былъ огорченъ отъѣздомъ Скобелева, на котораго возлагалъ большія надежды; упоминая объ немъ, онъ постоянно вздыхалъ, и при этомъ рѣсницы его учащенно мигали. Какъ бы ничего не зная о постигшей его участи, я черезъ переводчика спросилъ Атамурата, что заставило его покинуть Хиву. «Хивинскимъ ханомъ, моимъ двоюроднымъ братомъ,—сказалъ онъ,—недовольны, онъ грабитъ народъ, и тотъ у него правъ, кто больше ему даетъ денегъ; кромѣ того, онъ жестокій, отрубить голову человѣку ему все равно, что убить собаку; меня же любили въ Хивѣ. Хану донесли, что многіе хотятъ, чтобы я его смѣнилъ; узнавъ объ этомъ, онъ хотѣлъ казнить меня. Я все бросилъ: мои кибитки, мой скоть, овецъ, верблюдовъ, и съ своимъ семействомъ, на одной арбѣ, съ однимъ туркменомъ, который знаетъ русскихъ и хвалилъ ихъ, пріѣхалъ сюда. Можетъ быть, Аллахъ поможетъ мнѣ, и я доживу свои послѣдніе дни на родинѣ». Многое описывалъ мнѣ мрачными красками старикъ Атамуратъ, но, чтобы не утомлять читателя, я ограничусь только слѣдующимъ его рассказомъ. Атамуратъ-ханъ не оставлялъ отряда до послѣдней критической минуты. Когда въ 1871 году отрядъ, подъ предводительствомъ полковника генеральнаго штаба Маркозова, смѣнившаго полковника Столѣтова, предпринялъ движеніе по направленію къ Хивѣ, Атамуратъ-ханъ не вѣрилъ, когда ему говорили, что отрядъ не пойдетъ въ Хиву; ему казалось, что русскіе обманываютъ его; чѣмъ дальше подвигался отрядъ, тѣмъ болѣе укрѣплялась его увѣренность, что наконецъ онъ придетъ на свою родину, и русское войско возвратитъ ему его собственность. Когда же онъ увидѣлъ, что отрядъ, дойдя до Сорока-мышь (мѣстность въ ста верстахъ отъ Хивы), возвращается обратно, то слезы покати-

лись по морщинистому лицу старца. «Аллахъ! Аллахъ!—проговорилъ онъ:—зачѣмъ не идешь въ Хиву?»—обратился онъ къ начальнику отряда со словами, въ которыхъ звучали искреннія ноты:—«не бойся, головою своею ручаюсь, что Хива твоя!» Но такой рѣшительный шагъ не входилъ еще тогда въ наши планы.

На другой день рано утромъ я оставилъ лагерь. Попутчиками моими были нѣсколько офицеровъ, одни ѣхали въ отпускъ, другіе въ Баку по дѣламъ отряда. Конвой состоялъ изъ десяти человекъ казаковъ. Скорымъ шагомъ подвигались мы впередъ; никому и въ голову не приходило, чтобы намъ могла предстоять на пути хоть малѣйшая опасность, такъ привыкли всѣ къ тишинѣ, не нарушавшейся еще ни однимъ непріятельскимъ выстрѣломъ, ни однимъ гикомъ, этимъ пронзительнымъ горловымъ звукомъ туркменъ, бросающихся на врага. Это спокойствіе происходило отъ того, что когда войска наши прибыли на юговосточный берегъ Каспійскаго моря, и вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по всей Туркменіи, то, не говоря уже о прибрежныхъ туркменахъ племени іомудовъ, изъявившихъ полную готовность служить нашимъ интересамъ, и съ которыми мы находились въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ, чему, конечно, много способствовала наша морская Астрабадская станція, и другія племена, какъ-то: гоклоны, атабайцы, текинцы, чаудары и проч., хотя и не были намъ покорны, но относились къ намъ болѣе миролюбиво, чѣмъ къ другимъ пограничнымъ странамъ. Уже изъ рассказовъ своихъ единовѣрцевъ іомудовъ, благосостояніе которыхъ такъ замѣтно улучшалось, они постоянно убѣждались, что ни Персія, ни Бухара, ни Хива не могутъ имъ внушить такого довѣрія, какъ Россія. Въ сношеніяхъ съ ними они встрѣчали только обманъ, грабежъ, кулачное право, и, не имѣя возможности открыто протестовать противъ несправедливости, туркмены замѣтно склонялись въ нашу сторону и видимо искали болѣе тѣснаго сближенія съ нами. Столѣтовъ, несмотря на неудачный выборъ хана, поставилъ себя, въ первое время, въ самыя дружескія отношенія къ туркменамъ; онъ настолько изучилъ ихъ языкъ, что могъ объясняться съ ними безъ переводчика, и это давало ему возможность ближе знакомиться съ ними и изучать ихъ нравы и обычаи. Щедро вознаграждая ихъ за услуги и оказывая имъ разностороннюю помощь, онъ тѣмъ улучшалъ ихъ бытъ. Молва о томъ, что русскіе не грабятъ, не жгутъ ихъ ауловъ, а напротивъ платятъ имъ деньги, кормятъ ихъ, облегчала всю Туркменію. Уполномоченные многихъ племенъ пріѣзжали въ лагерь съ миролюбивымъ настроеніемъ и, выслушавъ отъ своихъ единовѣрцевъ и видя собственными глазами ихъ привольность житья-бытья, увозили съ собой эти утѣшительныя для нихъ вѣсти. Часто присутствуя при раздачѣ имъ провизіи въ лагерь, я видѣлъ, съ какою

радостью наполняли они свои хорджуны ¹⁾ мукою, крупкою, масломъ, сахаромъ, чаемъ и самодовольно, съ осторожностью уносили драгоценную ношу. Всѣ эти прекрасныя мѣры сильно расположили туркменъ въ нашу пользу. Вотъ почему тогда такъ безопасны были пути сообщенія между нашими постами.

Часа четыре мы уже были въ пути, безъ малѣйшаго приключенія. А ужъ какъ хотѣлось бы казакамъ хоть немного поразмяться, помѣряться своими силами и выпустить залежавшіяся, Богъ знаетъ съ какого времени, въ ихъ карабинахъ пули. «Глядь, братцы, что за оказія!»—закричалъ урядникъ, и всѣ остановились въ недоумѣніи, увидѣвъ передъ собой на горизонтѣ цѣлое облако пыли, которое какъ будто тащила за собой черная, замѣтно движущаяся лента. Черезъ нѣсколько минутъ стало ясно, что это верховые. «Вотъ, братцы, будетъ работа»,—раздавались голоса. Но было бы безразсудно бросаться на толпу, которую приблизительно мы опредѣляли человекъ въ полтораста. Насъ удивляло, что отрядъ этотъ, видя нашу малочисленность, не нападаетъ на насъ, а, перерѣзавъ намъ путь подъ прямымъ угломъ, удалялся къ восточной оконечности Балхана.

Когда мы пріѣхали въ Мула-Кари, то оказалось, что воинскій начальникъ, штабсъ-капитанъ Якубовскій, отправился съ казаками въ погоню за туркменами. Два туркмена, рода Теке, отправляясь изъ Красноводска въ Хиву, выѣхали изъ форта вмѣстѣ съ однимъ маркизантомъ армяниномъ, направлявшимся въ Ташеръ-Ватъ-Кала. Въ дорогѣ они уговаривали его ѣхать вмѣстѣ съ ними въ Хиву, увѣряя, что онъ съ большой выгодой можетъ продать тамъ свои товары. Когда же армянинъ рѣшительно отказался отъ такого предложенія, то туркмены, доѣхавъ съ нимъ до мѣста, откуда они должны были слѣдовать по различнымъ направленіямъ, отняли у него верблюдовъ и товаръ. Армянинъ, возвратясь въ Мула-Кари, обратился къ штабсъ-капитану Якубовскому, прося его о помощи.

Въ 2 часа по полудни мы оставили Мула-Кари, чтобы продолжать нашъ путь. Проѣхавъ версты три, мы встрѣтили легкій восточный вѣтеръ, который постепенно усиливался, а въ разстояніи около десяти верстъ отъ Мула-Кари превратился въ яростную бурю, которая волнуетъ и потрясаетъ пустыню, какъ море. Ни солнца, ни неба не видать было больше, настала почти ночная тьма, дышать было нечѣмъ. Песокъ, поднимавшійся столбами, наполнялъ всю атмосферу. Песочные холмы казались волнами моря, катившимися съ востока на западъ и каждую секунду готовящимися поглотить насъ. Съ болѣзненнымъ біеніемъ сердца считали мы каждую минуту, приближавшую насъ къ Михайловскому заливу. А что если мы сбились съ дороги?—каждый не-

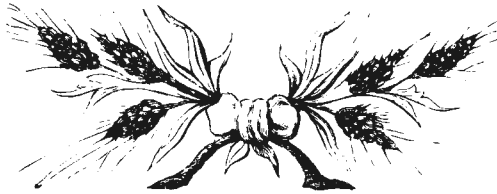
---

¹⁾ Родъ мѣшка.

вольно задавалъ себѣ этотъ вопросъ; и хотя проводникъ увѣрялъ насъ, что мы уже близко къ Михайловску, но мы какъ будто боялись вѣрить такому благополучному исходу. Нѣсколько разъ мы заставляли его повторять эти утѣшительныя для насъ слова. И какая радость овладѣла нами, когда мы увидѣли Михайловскій заливъ!

С. Гунаропуло.

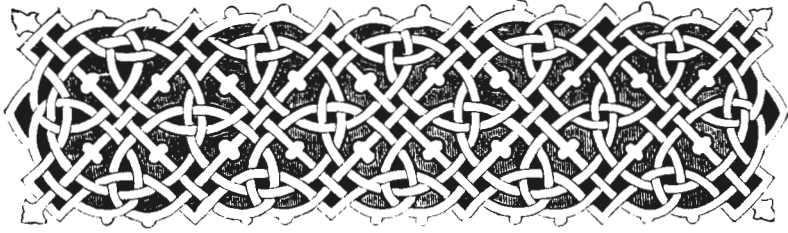
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ,
ДЕКАБРЬ, 1900.

ВЪ ТУРКМЕНСКОЙ СТЕПИ ¹⁾.

(Изъ записокъ черноморскаго офицера).

III.

Неожиданное нападеніе туркменъ на Михайловскъ. — Измѣна хана Дундура. — Смѣна шхуны «Персіянинъ» шхуною «Бухарецъ». — Островъ Амураде и его южная флора. — Начальникъ морской станціи, капитанъ 1-го ранга Петриченко, и его гостепримство. — Лихорадки и смертность солдатъ. — Морскіе разбой туркменъ. — Торговля плѣнными персами. — Глава разбойниковъ ханъ Эргельдь. — Выручка плѣннаго перса.

ПОСЛѢДСТВИИ я узналъ, чѣмъ кончилась погоня; штабсъ-капитанъ Якубовскій догналъ этихъ туркменъ, и армянинъ получилъ обратно своихъ верблюдовъ и товаръ; но виновники были ужасно наказаны. Начальникъ отряда Столѣтовъ, возвращавшійся въ Ташеръ-Ватъ-Кала, черезъ Мула-Кари, велѣлъ при себѣ повѣсить на арбѣ этихъ несчастныхъ, и такимъ поступкомъ сразу измѣнилъ къ худшему наши отношенія къ туркменамъ ²⁾. Спустя нѣкоторое время, на Михайловскъ сдѣлано было нападеніе въ числѣ двухъ тысячъ человекъ туркменъ, преимущественно племени Теке: это было осенью 1870 года. На разсвѣтѣ стоялъ непрони-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXII, стр. 565.

²⁾ Туркмены говорили: «лучше бы начальникъ отряда велѣлъ отрубить головы преступникамъ. Это не было бы для нихъ такъ обидно. Аллахъ никогда имъ не проститъ, если они не отомстятъ за такую позорную, нанесенную имъ обиду».

цаемый туманъ, никакихъ слуховъ не было о готовящемся нападеніи, только предварительный, дикій, неистовый гикъ далъ знать объ опасности, а испытанная храбрость воинскаго начальника, капитана Мочевельяне, который съ удивительнымъ присутствіемъ духа успѣлъ собрать свою роту и открыть по неприятелю быстрый непрерывающійся огонь, да метаніе ядеръ изъ парового барказа подъ командой лейтенанта Угриновича ¹⁾ спасли наши войска отъ неминуемой гибели. Нѣкоторые туркмены, послѣ нападенія на Михайловскъ, за достовѣрное передавали, что въ нападающей шайкѣ принималъ участіе извѣстный Кашутъ-ханъ, глава текинцевъ, а также ханъ Дундуръ, который, за нѣсколько дней до нападенія, уѣхалъ изъ Ташеръ-Ватъ-Кала подъ предлогомъ посѣтить свой аулъ. Нужно знать туркменъ, ихъ мстительный, не прощающій обиды характеръ, чтобы объяснить такое внезапное нападеніе; они хотѣли отомстить начальнику отряда за нанесенное имъ неслыханное безчестіе. Чтобы привести въ исполненіе созрѣвшій планъ, они выжидали только удобнаго случая. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой шайкѣ участвовали лица, хорошо знакомыя съ заведенными порядками въ отрядѣ. Почти каждый мѣсяцъ начальникъ отряда ѣздилъ изъ Ташеръ-Ватъ-Кала въ Красноводскъ. Время нападенія совпало съ днемъ, когда полковникъ Столѣтовъ, прибывшій наканунѣ изъ Красноводска въ Михайловскъ, долженъ былъ на разсвѣтѣ отправиться въ штабъ-квартиру. Они и ожидали его встрѣтить на дорогѣ въ Мула-Кари; удайся имъ это, нечего и говорить, что гибель Столѣтова и сопровождавшаго его малочисленнаго конвоя была бы неизбежна; но густой туманъ, не позволявшій туркменамъ въ точности слѣдить за мѣстностью, сбиль ихъ съ дороги. Заѣхавъ слишкомъ далеко, они наткнулись на пикетъ и напали на лагерь. Передовые изъ нихъ успѣли окружить кибитку воинскаго начальника, вѣроятно, рассчитывая найти въ ней полковника Столѣтова, но она была пуста, начальникъ отряда отдыхалъ на стоявшей у пристани баржѣ; не успѣлъ онъ еще полуодѣтый сойти на пристань, какъ туркмены отретировались назадъ, потерявъ около 40 человекъ, при самыхъ незначительныхъ съ нашей стороны потеряхъ, сколько я помню: двухъ убитыхъ и трехъ раненыхъ. Послѣ нападенія на Михайловскъ, лазутчики часто давали знать, что на Красноводскъ готовятся напасть значительныя скопища туркменовъ. Воинскій начальникъ при первомъ донесеніи о нападеніи послѣшилъ пріѣхать къ намъ на шкуну, чтобъ условиться съ капитаномъ, какія мѣста занять военнымъ судамъ ²⁾ для обстрѣливанія берега на случай нападенія. Нѣсколько дней прошли въ тре-

¹⁾ Получилъ орденъ св. Владимира съ мечами.

²⁾ Въ Красноводскѣ въ это время стояли на посту: паровая шкуна «Персія нинъ», паровой барказъ и парусная баржа «Бакланъ».

возномъ ожиданіи, но туркмены, вѣроятно, имѣя хорошихъ лазутчиковъ, не рѣшились напасть на Красноводскъ, гарнизонъ котораго былъ предупрежденъ объ этомъ и каждую минуту находился въ готовности встрѣтить непріятеля.

Станціонеры держали свои посты на двухъ станціяхъ: Красноводской и Астрабадской, по 6-ти мѣсяцевъ. Срокъ этотъ для шхуны «Персіянинъ» истекалъ, и мы съ каждымъ днемъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали себѣ смѣну съ Астрабадской станціи. Часто въ каютъ-компаніи упоминалось объ Амураде. Офицеры, начиная съ капитана, безпрестанно только и говорили о тамошнемъ большомъ радушномъ обществѣ и веселой жизни на станціи. Понятно, какъ тщательно осматривали мы дугу горизонта, на которой долженъ былъ показаться рангоутъ шхуны, идущей къ намъ на смѣну; то и дѣло посылался на салингъ матросъ: не увидитъ ли онъ по направленію къ Астрабаду дымокъ. Шхунѣ «Персіянинъ» оставалось только развести паръ, и она готова была сейчасъ же сняться съ якоря; ни у кого уже не являлось желанія съѣхать на берегъ, такъ уже сильно надоѣлъ Красноводскъ, и такъ не желательно было, хотя бы на нѣсколько минутъ отдалить время отхода. Наконецъ, показался дымокъ, все яснѣе и яснѣе вырисовывается рангоутъ приближающагося судна. Вотъ поднимаются флаги вымпела: это шхуна «Бухарецъ»!—раздаются кругомъ голоса; по подъемѣ у насъ отвѣтнаго краснаго флага, вымпела на «Бухарцѣ» спускаются, и вслѣдъ за этимъ подымается на немъ сигналъ: «Иду къ вамъ на смѣну!». «Бухарецъ» входитъ на рейдъ, бросаетъ якорь: капитаны обмѣниваются визитами. На «Персіянинѣ» разводятся пары, убираются гребныя суда, подымается якорь, и шхуна двинулась по направленію къ Астрабадской станціи.

Подъ 36° сѣверной широты, въ юго-восточномъ углу Каспійскаго моря, въ Астрабадскомъ заливѣ, омывающемъ берега персидской провинціи того же имени, находится маленькій, низменный островокъ, не болѣе полуторы версты въ окружности, называемый Амураде. Этотъ изолированный мірокъ, существованіе котораго объясняется необходимостью имѣть нѣсколько вымпеловъ на водахъ Каспійскаго моря, находясь на границѣ туркменскихъ и персидскихъ земель, способствуетъ нашему политическому вліянію на Персію и имѣетъ культивирующее значеніе для прикасающихся со станціей туркменскихъ племенъ.

Отъ Красноводска до Астрабадской станціи 340 миль. Шхуна «Персіянинъ» была плохой ходокъ; но погода намъ благопріятствовала, на третій день мы приближались къ мѣсту своего назначенія. Островъ Амураде открывается въ 6—7 миляхъ. Подходя ближе, вы видите очень красивую, густо покрытую лѣтомъ и зимой зеленью и населенную безъ нѣмецкой симетріи, какъ бы плавающую въ водѣ, ферму. Между офицерскими и матросскими до-

мами, выстроенными большею частью изъ камыша и обмазанными глиною, замѣтно выдѣляются деревянные бараки, а надъ всѣмъ этимъ господствуетъ деревянная, небольшая, но довольно красивая церковь. Несмотря на неблагоприятную почву, потому что грунтъ твердъ только снаружи, а аршина чрезъ два уже вода, или жидкій иль, здѣсь растутъ пальмовыя и померанцовыя деревья, олеандры, кактусы и алоэ.

Берегъ материка, огибающаго заливъ, покрытъ густымъ лѣсомъ. По немъ разбросаны персидскія деревни Астрабадской и Мазандеранской провинціи; но при выходѣ изъ залива, пройдя устье Черной рѣчки (Карасу), образующейся изъ горныхъ ручьевъ, растительность сразу прекращается, и дальше къ сѣверу, по выходѣ изъ залива, только песокъ и камень по всему протяженію берега. На этихъ необозримыхъ стенахъ кочуютъ свободныя племена туркменъ. Сама природа какъ бы рубежомъ отдѣлила два разноплеменные народа. По берегу залива — дома осѣдлыхъ персіянъ, внѣ его кибитки кочевниковъ, которые, кромѣ торговли съ персами и рыболовства, занимались также и даже преимущественно морскими разбоями и грабежемъ прибрежныхъ персидскихъ деревень.

Едва мы отдали якорь, какъ къ намъ уже безпрестанно начали прѣзжать съ судовъ и съ берега съ поздравленіями благополучнаго прихода. Въ первый же день мы получили нѣсколько приглашеній: насъ звали и обѣдать и вечеромъ и т. д. Капитанъ, возвратившійся съ берега, отъ начальника станціи, капитана 1-го ранга Петриченко, къ которому онъ ѣздилъ съ строевымъ рапортомъ, привезъ отъ него также приглашеніе, прійти къ нему въ этотъ вечеръ. Въ 8 часовъ, кромѣ вахтеннаго начальника, всѣ мы, въ первый разъ послѣ долгой отшельнической жизни, собирались войти въ семейный домъ, гдѣ, какъ намъ передавали, собирается большое общество.

Отъ деревянной пристани, устроенной на восточной оконечности острова, проложена каменная панель, чрезъ все протяженіе острова, — къ западу, къ дому начальника станціи. Домъ едва виденъ изъ-за густой зелени. По дорогѣ къ нему хорошенькая церковь, тоже вся въ зелени, противъ церкви деревянная ротонда, въ которой помѣщается офицерская бібліотека; возлѣ находятся камышевый домъ — залъ для общественныхъ собраній, гдѣ подъ часъ бывають даже танцевальныя вечера и спектакли.

Самое лучшее время это осень, начиная съ октября мѣсяца. Погода тогда устанавливается, вѣтры дуютъ совершенно правильно: съ восходомъ солнца остъ, въ полдень нордъ; къ закату солнца онъ стихаетъ, дѣлается мертвый штиль, и потомъ часовъ съ 9-ти вечера задуваетъ зюйдъ. Вѣчно синее безоблачное небо, томительной жары нѣтъ, 20° по R, и воздухъ такой чистый, что

бываетъ виденъ даже неосвященный дискъ луны. Къ югу отъ острова синіе силуеты мазандеранскаго хребта горъ, со снѣжными вершинами и облаками у подошвы нѣкоторыхъ возвышенностей, обрисовываются совершенно ясно, приближенные рефракціей. Часто виднѣтся даже конусообразный Демавендъ, съ его снѣжною вершиной, отстоящій отъ острова верстъ на 300.

Астрабадская станція слыветъ гнѣздомъ лихорадокъ. Даже туркмены въ лѣтнее время всегда избѣгаютъ ея. Быть можетъ, тому причиной вѣчная сырость; быть можетъ, туда доходятъ міазмы, которыми такъ богатъ астрабадскій и мазандеранскій берегъ съ его непроходимыми дѣвственными лѣсами, куда рѣдко проникаетъ даже лучъ солнца. Лихорадки эти иногда принимаютъ характеръ эпидемическій. Жизнь на Амурате во время эпидеміи, появляющейся періодически, чрезъ извѣстное число лѣтъ, очень печальна. Процентъ смертности бываетъ очень великъ. Одна изъ самыхъ страшныхъ лихорадочныхъ эпидемій посѣтила островъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ бытность начальникомъ станціи капитана 2-го ранга князя Ухтомскаго ¹⁾; въ то время, совершенно здоровый человѣкъ, заболѣвавшій лихорадкой, часто на другой или третій день умиралъ; на берегу и на судахъ съ каждымъ днемъ прогрессивно увеличивалось число больныхъ; наконецъ дошло до того, что на судахъ не находилось и одной трети здоровой команды; посылаемыя въ объѣздъ гребныя суда должны были безпрестанно возвращаться назадъ, привозя съ собой почти умирающихъ людей. Князь Ухтомскій въ самое непродолжительное время потерялъ на станціи жену, мать жены и всѣхъ дѣтей; но для грудныхъ больныхъ климатъ Амурате весьма полезенъ, и такіе больные по совѣту докторовъ нарочно приѣзжаютъ сюда на жительство.

По туркманчайскому трактату, заключенному Россіей съ Персіей въ 1829 году, Персія лишена права имѣть военныя суда на Каспійскомъ морѣ, но зато Россія обязалась охранять берега ея отъ нападеній морскихъ разбойниковъ туркменъ.

При укоренившейся у туркменъ страсти къ разбою, гребнямъ и захвату плѣнныхъ и при ловкости, съ которою все это они совершали, чему много способствовали густые камыши и мелко сидяшіе въ водѣ кулазы ²⁾, наконецъ невинный предлогъ, что они занимаются только рыбной ловлею у этихъ береговъ, весьма затрудняли нашихъ крейсеровъ ловить туркменъ-грабителей на мѣстѣ преступленія. Между тѣмъ, отъ персидскаго правительства на станціи получались безпрестанно жалобы, что туркмены нападаютъ на прибрежныя персидскія деревни и грабятъ ихъ. Разбой и торговля шла у нихъ рука объ руку, и ареною всегда былъ астра-

¹⁾ Бывшаго потомъ командиромъ Архангельскаго порта.

²⁾ Узенькая, совершенно плоскодонная корытообразная шляпка.

бадскій заливъ. Туркмены и персіяне, живя въ близкомъ сосѣдствѣ, несмотря на вѣковую религіозную фанатическую вражду, такъ какъ персіяне шииты ¹⁾, а туркмены суниты ²⁾, не могли, однако же, не войти издавна въ торговыя сношенія. Вѣчно лѣнивые, усталые персы совершенно привыкли къ игу, которое налапали на нихъ воинственныя дѣти степей. Туркмены врасплохъ нападали на деревни, забирали плѣнныхъ, уводили скотъ, увозили все это на лодкахъ въ свои аулы и оттуда договаривались о выкупѣ. Убийства случались рѣдко, потому что добыча доставалась легко; робкіе полуголодные жители прибрежныхъ деревень и не пробовали защищаться, — хотя иной изъ нихъ бывалъ вооруженъ двумя ружьями. Случалось, что одинъ туркменъ, бравъ въ плѣнъ нѣсколько персовъ; туркменъ гикнетъ — персіяне останавливаются, сдадутся и даже сами перевязуютъ другъ друга. Торговля плѣнными персами вошла у туркменъ въ обычай и держалась вѣками. Туркменъ-разбойникъ возьметъ плѣнника, туркменъ-торговецъ купитъ его у него и везетъ въ ту деревню, откуда онъ родомъ, прося отъ родныхъ выкупа: «что же тутъ дурного?—говоритъ онъ:—я самъ купилъ и долженъ выручить свои деньги». Чтобы лишить возможности туркменъ соединять торговлю съ разбоемъ, присланъ былъ изъ Петербурга капитанъ 1-го ранга Путятинъ, который, переговоривъ предварительно объ устройствѣ дѣлъ въ Астрабадскомъ заливѣ въ Тегеранѣ, въ 1842 году, утвердилъ астрабадскую морскую станцію Амураде. Путятинъ первый разбилъ застарѣлую мысль о неприкосновенности Каспійскаго моря для пароходныхъ плаваній и навелъ паническій страхъ на туркменъ, появившись съ пароходомъ въ виду ихъ аула Гасанъ-Гули. Когда, оставивъ пароходъ, по мелководью, вдали, онъ подошелъ съ нѣсколькими десятками матросовъ на вооруженныхъ шлюпкахъ къ этому аулу, въ которомъ считалось до 300 кибитокъ, онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Подъ вліяніемъ такого терроризированія, гроза персіанъ, храбрые жители аула безмолвно смотрѣли, какъ Путятинъ жегъ ихъ лодки, выдали ему своего хана, Якши-Махмеда, самаго заклятаго разбойника, и по приказу Путятина заключили съ персіянами миръ, заплативъ за всѣ прежніе грабежи по персидскому побережью. Туркмены были увѣрены, что стоило Дарья-Беги ³⁾ только захотѣть, и пароходъ пойдетъ разгуливать по аулу. О силѣ пара они не имѣли понятія и убѣждены были, что судно движется противъ вѣтра и выпускаетъ клубы черного дыма потому, что тамъ орудуетъ шайтанъ.

¹⁾ Мусульманская секта, признающая только Алія истиннымъ наслѣдникомъ Магомета. Али—высокій властелинъ.

²⁾ Истолкованіе корана, составленное тремя калифами: Абу-Бекромъ, Омаромъ и Османомъ.

³⁾ Дарья-Беги—царь морей.

Къ сѣверу отъ персидской границы, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ миль, раскинуты у устьевъ небольшихъ рѣчекъ: Гасанъ-Гули, Хаджи-Нефесъ и другихъ, большіе аулы. Какъ находившіеся въ полной зависимости отъ Астрабадской станціи, они играли очень важную роль; черезъ посредство ихъ мы вліяли въ нѣкоторой степени на всю Туркменію. Аулы эти, уже нѣсколько лѣтъ, какъ и всѣ тѣ, которые находились у береговъ, считались мирными и совершенно свободно вели со станціей торговлю, преимущественно рыбой. Туркмены эти прежде занимались грабежемъ, и этотъ промыселъ доставлялъ имъ значительную выгоду; но впоследствии разбои почти прекратились. Способствовали этому много тѣ гуманныя мѣры, которыя были приняты со стороны начальника станціи, капитана 1-го ранга Петриченко. Предоставленная туркменамъ полная свобода сношеній со станціей, часто оказываемая помощь бѣднѣйшимъ изъ нихъ, удачный выборъ хана, поощреніе подарками достойнѣйшихъ изъ старшинъ, наконецъ, полное пониманіе ихъ духа и нравовъ привели къ тому, чего не въ состояніи были достигнуть однимъ оружіемъ. Обѣзды и крейсерство, въ виду часто повторявшихся разбоевъ, для охраненія персидскихъ береговъ, въ 1870 году были почти совершенно прекращены. Всякія недоразумѣнія, возникавшія между станціей и туркменами, разрешались, и вообще всѣ переговоры велись при участіи одного изъ туркменскихъ старшинъ, который и титуловался ханомъ. Право избранія хана предоставлялось мирнымъ туркменамъ; но выборъ утверждался начальникомъ станціи. Такой выборъ натурально падалъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ туркменъ. Ханъ на станціи пользовался извѣстными льготами, получалъ жалованье отъ русскаго правительства, богатые подарки, вообще старались его положеніе улучшить, чтобы заставить дорожить своимъ мѣстомъ и употреблять свое вліяніе въ нашу пользу. Если бывали случаи, что разбои совершались, а виновныхъ не удавалось поймать на мѣстѣ преступленія, и плѣнные ими не возвращались, тогда вина падала на ближайшіе аулы, которымъ оставалось или выдать преступника, если онъ имъ извѣстенъ, или употребить всевозможныя средства, чтобы его найти; въ противномъ случаѣ, они строго наказывались, такъ какъ большей частью преступникъ этотъ былъ имъ извѣстенъ. Отвѣтственность въ такомъ случаѣ исключительно несли старшины аула. Сознывая свою выгоду въ миролюбивыхъ сношеніяхъ со станціей, старшины эти наконецъ сами начали стараться о прекращеніи разбоевъ и просили начальника станціи утвердить ханомъ одного изъ отчаяннѣйшихъ разбойниковъ, служившаго гордостью своего племени, который стоялъ во главѣ туркменовъ, занимавшихся этимъ промысломъ, и имѣлъ на нихъ огромное вліяніе своей храбростью и мужествомъ,—качества, очень уважаемыя туркменами. Послѣ переговоровъ, продолжавшихся довольно

долгое время, обезпечившихъ его въ матеріальномъ отношеніи, ханъ Эргельдъ пріѣхалъ на станцію. Это была довольно замѣчательная личность, какъ по своему наружному виду, такъ и по своей жизни, полной разнообразными приключеніями. Высокаго роста, съ величественной осанкой, выразительными чертами лица, съ умнымъ и пронизательнымъ взглядомъ, весь израненный, человѣкъ этотъ своей симпатичной внѣшностью не производилъ впечатлѣнія разбойника. Ему было не болѣе 40 лѣтъ; его имя наводило ужасъ на персидское жилое побережье; но онъ рѣдко прибѣгалъ къ кинжалу—только лишь для спасенія своей жизни. Эргельдъ, ради пользы своихъ соотечественниковъ и предстоящихъ ему личныхъ выгодъ, пріѣхалъ на станцію и принялъ титулъ хана посредника.

Во время моего пребыванія на Астрабадской станціи, одинъ персіянинъ былъ уведень туркменами въ плѣнъ. Такъ какъ мнѣ приходилось лично принимать участіе въ его освобожденіи, то я расскажу этотъ случай, характеризующій наши отношенія съ туркменами. Ханъ Эргельдъ сообщилъ начальнику станціи, что попавшій въ плѣнъ персіянинъ находится въ отдаленномъ отъ берега аулѣ, и что въ аулѣ Гасанъ-Гули живутъ родственники туркмена, взявшаго въ плѣнъ персіянина. У туркменъ въ обычаѣ мстити за оскорбленіе ихъ родныхъ, но также и отвѣчать за ихъ поступки.

По предписанію начальника станціи, шкуна, на которой онъ и самъ находился, въ сопровожденіи хана Эргельда, снялась съ якоря, имѣя на буксирѣ двѣ туркменскія кочермы. Черезъ три часа мы бросили якорь на разстояніи около 4-хъ миль отъ берега; шкуна не могла подойти ближе по мелководью. Взявши съ собой 10 человѣкъ вооруженныхъ матросовъ, въ сопровожденіи хана Эргельда и переводчица, на двухъ кочермахъ, мы отправились къ аулу. Можно бы было обойтись безъ вооруженной силы, но это дѣлалось болѣе для представительности.

Благодаря попутному вѣтру, мы черезъ полчаса вошли въ устье рѣчки Гасанъ-Гули, по обѣимъ сторонамъ которой разбросано было безчисленное множество кибитокъ. Появленіе наше видимо возбудило сильное любопытство и удивленіе туркменъ; казалось, все населеніе аула высыпало къ намъ на встрѣчу, оба берега рѣчки представляли какъ бы двѣ пестрыя волнующіяся ленты, изъ которыхъ слышался неопредѣленный гулъ, сопровождавшій насъ во все время нашего движенія по рѣчкѣ. Я не хотѣлъ останавливаться въ самомъ аулѣ, чтобы избѣжать назойливости этой массы людей; мы оставили его позади; проплывъ отъ него около полуверсты разстоянія, пристали къ берегу. Спустя нѣсколько минутъ, къ намъ прибыли старшины аула узнать о причинѣ нашего визита. Я предложилъ хану переговорить съ ними. Въ этихъ случаяхъ, по заведенному уже порядку, предварительно предлагается угощеніе. Прислуга хана разостлала ковры, достала изъ лодки самоваръ, погре-

бецъ, сушеные фрукты и проч.; старшины, присѣвъ на корточки въ круговую, принялись за чаепитіе. Ханъ просилъ и меня принять участіе въ этой трапезѣ. «Эстекъ», сказалъ онъ своему слугѣ, и мнѣ принесли подушку: по обычаю туркменъ, въ сходкахъ ихъ, садятся на подушку только почетныя лица. Я просилъ переводчика передать мнѣ точно предстоящій разговоръ хана со старшинами. Послѣ обыденныхъ разспросовъ Эргельдъ объяснилъ имъ, что Дарья-беги очень недоволенъ старшинами, которые знаютъ, гдѣ находится плѣнный, но не стараются его освободить. Въ виду предоставленныхъ имъ льготъ и тѣхъ хорошихъ отношеній, которыя установились между ними и станціей, онъ просилъ ихъ не нарушать дружбы и общими силами принять мѣры къ освобожденію плѣннаго.

Старшины клялись Аллахомъ, что сами не принимали никакого участія въ постигшей персіянина судьбѣ, и что имъ неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ находится въ указанномъ ханомъ аулѣ; они продолжали настаивать въ справедливости своихъ показаній, даже несмотря на упорное невѣріе Эргельда. Очень можетъ быть, что старшины говорили чистосердечно; но хану, по подавляющимъ уликамъ, доставленнымъ его вѣрными, неизмѣнявшими ему, лазутчиками, положительно было извѣстно о мѣстѣ нахождения плѣннаго. Видно было, что Эргельдъ хотѣлъ настоять на своемъ; сдѣлавъ мнѣ и переводчику знакъ слѣдовать за нимъ, онъ, отойдя отъ старшинъ нѣсколько шаговъ, сказалъ мнѣ, что нужно пригласить старшинъ на шкуну и одного изъ нихъ арестовать въ видѣ залога до возвращенія плѣннаго персіянина. Когда я предложилъ старшинамъ отправиться со мной на шкуну для личнаго объясненія съ Дарья-беги, они не противорѣчили, а въ знакъ согласія, низко кланяясь, дѣлали извѣстное привѣтственное движеніе рукой.

Удаленіе наше отъ аула нисколько не избавило насъ отъ любопытныхъ, особенно женщинъ; насъ окружили плотнымъ разноцвѣтнымъ кольцомъ, которое, постепенно смыкаясь, сдавило бы насъ, еслибы ханъ и всѣ старшины своими увѣщаніями и просьбами не умѣрили интенсивности толпы.

Когда мы двинулись съ старшинами къ лодкѣ, ко мнѣ съ пугливо вопрошающими взглядами подбѣжали нѣсколько туркменокъ и, хватая меня за рукава и фалды кителя, указывая на старшинъ, неистово кричали: «Сибаръ! Сибаръ!»¹⁾ Въ это время усердствующій не въ мѣру къ своему долгу матросикъ прикладомъ ружья не ударилъ, но отпихнулъ отъ меня одну туркменку настолько сильно, что она упала. Нужно было видѣть звѣрское выраженіе лицъ, появившееся у большей части обоюга пола туркменъ;

¹⁾ Туркменамъ было извѣстно, что серьезныхъ преступниковъ въ Россіи отсылаютъ въ Сибирь.

боясь появленія съ ихъ стороны грозной демонстраціи, чтобы хотя нѣсколько ослабить видимо охватившее ихъ чувство глубокаго негодованія, я въ ту же минуту, для виду, какъ бы ударилъ матросика, а на самомъ дѣлѣ только сбросилъ съ его головы фуражку. Одинъ моментъ, и произошла метаморфоза: мрачныя озлобленныя лица просіяли, и мы, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій, по возможности деликатно устраняя препятствія, дѣлаемыя намъ туркменками, удерживавшими старшинъ, и увѣряя ихъ, что старшины эти сегодня же возвратятся обратно въ ауль, спустились въ лодку. Когда мыплыли по рѣчкѣ, направляясь къ шкунѣ, то озлобленныя туркменки унижавъ собою берегъ, бѣжали за нами, вопія и издавая дикіе, гортанные, какіе-то неестественные звуки, грозя при этомъ кулаками и отплевываясь по нашему направленію. По прибытіи нашѣмъ на шкуну, послѣ обычныхъ привѣтствій и переговоровъ на извѣстную тему, начальникъ станціи, указывая на одного старшину, предварительно рекомендованнаго ему ханомъ, именно родственника туркмена, взявшаго въ плѣнъ персіянина, объявилъ, что, къ сожалѣнію, до возвращенія плѣннаго, онъ долженъ его арестовать. Старшины, никакъ не ожидавшіе такого результата переговоровъ, видимо были не довольны этимъ рѣшеніемъ и, какъ ни топѣрились и ни изъясляли своего неудовольствія, должны были покориться, и шкуна снялась съ якоря, имѣя у себя заложника.

Когда мы приближались къ станціи, то арестованный старшина, пристально, не отрывая глазъ, смотря на стоящее въ 4-хъ или 5-ти саженьяхъ отъ берега довольно большихъ размѣровъ судно и указывая на него, обращаясь къ матросамъ, не безъ нѣкотораго страха, спрашивалъ: «Калмыкъ? Калмыкъ?» Судно это, бывший трехмачтовый транспортъ, по негодности къ плаванію, стояло ва мертвыхъ якоряхъ. Кромѣ своего спеціальнаго назначенія—на немъ помѣщался пороховой складъ—оно служило также карцеромъ: для нижнихъ чиновъ и провинившихся туркменъ, о чемъ имъ было хорошо извѣстно. Черезъ нѣсколько дней старшины пріѣхали просить начальника станціи освободить товарища, коллективно ручаясь, что плѣнный будетъ возвращенъ; дѣйствительно, въ скоромъ времени персіянинъ былъ доставленъ на станцію.

IV.

Исторія двухъ плѣнныхъ матросовъ.—Нападеніе туркменъ на станцію въ ночь на свѣтлую заутреню.—Жестокость капитана 2-го ранга Сидорова.—Стоянка у персидскаго берега.—Прибытіе на шкуну Кадыръ-хана и туркменки Саалы.—Возвращеніе въ Красноводскъ.—Семейство Сильванскихъ.—Постановка памятника на русскихъ могилахъ.—Смѣна полковника Столѣтова полковникомъ Маркозовымъ.—Избраніе новой станціи—Чигишляръ—и ея неудобства.—Измѣнившіися къ худшему наши отношенія къ туркменамъ.—Отплытіе шкуны «Персіянинъ» къ Чигишляру.—Приготовленія къ хивинскому походу 1873 года.—Причины послѣдовавшей неудачи Красноводскаго отряда.

Еще въ 1860-хъ годахъ, въ бытность начальникомъ станціи капитана 1-го ранга Ратькова-Рожнова, освобожденіе плѣнныхъ персіянь сопровождалось довольно тяжелой процедурой; тѣмъ болѣе стоилъ большихъ трудовъ и большихъ денегъ выкупъ русскаго плѣннаго. На станціи для выкупа плѣнныхъ имѣлась особенная сумма, образовывавшаяся изъ добровольныхъ взносовъ служащихъ офицеровъ; съ каждаго не менѣе 3-хъ голландскихъ червонцевъ въ годъ; въ экстренномъ же случаѣ, когда сумма эта оказывалась недостаточною, устраивалась отдѣльная подписка. Какъ-то въ началѣ 1860 года туркмены захватили на персидскомъ берегу двухъ нашихъ матросовъ: Потакеева и Иванова, и они сдѣлались достояніемъ трехъ туркменскихъ семействъ; каждое изъ нихъ старалось какъ можно болѣе получить за нихъ на свою долю; нѣсколько разъ переговоры о выкупѣ оканчивались соглашеніемъ сторонъ, и требуемая сумма привозилась; но оказывалось, что туркмены снова значительно увеличивали выкупную плату; такимъ образомъ, матросы наши находились въ плѣну до 1867 года, исполняя при этомъ самыя тяжелыя работы. Бывшій въ это время ханомъ на станціи Ана-Санъ-Ханъ ¹⁾ предложилъ начальнику станціи слѣдующій способъ для освобожденія плѣнныхъ: послать въ аулъ, гдѣ они находятся, довѣреннаго туркмена, которому поручить приобрести лучшую лошадь породы «аргамакъ», отличающейся своей крѣпостью и быстротой бѣга, и, улучивъ удобный моментъ, предоставить ее для побѣга плѣннымъ, что и было приведено въ исполненіе, наканунѣ того дня, когда Потакеева и Иванова рѣшено уже было отправить съ снаряжавшимся караваномъ въ Хиву. Лошадь эта, на которой спаслись плѣнные, сдѣлалась достояніемъ постовой, на станціи, команды. Въ 1850 году, туркмены, осмѣлились даже сдѣлать нападеніе на станцію. Въ ночь на Воскресеніе Христова, во время заутрени, они подошли къ острову съ моря на 40 большихъ лодкахъ. Выскочивъ на берегъ, туркмены бросились къ ярко освѣщенной церкви, какъ къ единственному мѣсту, обрисовываю-

¹⁾ Вѣлая борода.

щемуся на фонѣ тихой ночи. Публика, молившаяся съ наружной стороны церкви, въ прилегающемъ къ ней садикѣ, увидя приближающихся вооруженныхъ туркменъ, съ отчаяннымъ крикомъ, бросилась въ церковь; туркмены въ эту минуту, услыша перестрѣлку быстро собравшейся поставой команды, бѣжали, оставивъ 4-хъ человекъ убитыми; но все-таки захватили съ собой трехъ женщинъ.

Послѣдствіемъ этого нападенія былъ упадокъ русскаго вліянія, и въ 1854 году рѣшено было на общемъ собраніи чиновъ станціи сдѣлать десантъ къ аулу Гассанъ-Гули. Высадившійся десантъ сжегъ 28 туркменскихъ лодокъ, забралъ въ плѣнъ нѣсколько вліятельныхъ туркменъ, выкупъ которыхъ дорого обошелся туркменамъ. Съ тѣхъ поръ пираты присмирѣли и никогда уже не осмѣливались нападать на станцію. Безтактность, необдуманность въ своихъ дѣйствіяхъ, а также жестокость нрава нѣкоторыхъ лицъ, случайно по дѣламъ службы соприкасавшихся съ туркменами,—лицъ, бывшихъ не на высотѣ своего долга, а на низинѣ грубаго произвола, часто парализовали гуманные и корректные приемы другихъ; вслѣдствіе этого получались нежелательные результаты въ отношеніяхъ нашихъ съ племенемъ, видимо клонившимся къ болѣе тѣсному съ нами сближенію. Капитанъ 2-го ранга Сидоровъ, командуя пароходомъ «Ураль», въ концѣ 1860 годовъ догналъ туркменскую лодку, въ которой находились 10 человекъ туркменъ съ тремя взятыми ими въ плѣнъ персіянами. Сдѣлавъ холостой выстрѣлъ изъ орудія, лодка въ ту же минуту спустила парусъ и по знаку, сдѣланному на пароходѣ, подошла къ его трапу. По приказанію Сидорова, туркмены съ персіянами поднялись на палубу. На пароходѣ всѣ служащіе предполагали, что Сидоровъ, взявши на буксиръ лодку, отправится на станцію, гдѣ и предоставитъ на усмотрѣніе начальства провинившихся туркменъ; но немало были удивлены, когда онъ, оставивъ персіянъ на шкунѣ, приказалъ туркменамъ садиться на свою лодку; обрадованные такимъ благополучнымъ исходомъ ихъ поступка, туркмены, низко кланяясь Сидорову и лобызая его плечо, спѣшили спуститься на свою лодку. Сидоровъ въ это время, сжимая губы и злорадно смотря на спускавшихся туркменъ, загадочно улыбался; а когда лодка отошла нѣсколько сажень отъ шкуны, скомандовалъ «полный ходъ» и, нагнавъ лодку, разсѣкъ ее килемъ парохода, при этомъ, къ общему негодованію офицеровъ и команды, однихъ туркменъ убилъ, а другихъ, прежде чѣмъ исчезнуть подъ водой, долго еще заставилъ барахтаться и издавать отчаянные вопли. Сидоровъ впослѣдствіи, даже не стѣсняясь, высказывалъ съ нѣкоторымъ еще неудовольствіемъ, что за свой подвигъ не получилъ награды... Не георгія ли за храбрость думалъ онъ получить?—также не стѣсняясь, не безъ ироніи, высказывали многіе изъ служащихъ на станціи офицеровъ...

Время пребыванія шкуны на станціи, къ общему нашему сожалѣнію, оканчивалось; передъ отправленіемъ нашимъ снова въ Красноводскъ мы должны были около двухъ недѣль простоять на посту у персидскаго берега ¹⁾, на такъ называемомъ перевалѣ, въ 6-ти—7-ми миляхъ отъ Амураде. Во время нашего пребыванія здѣсь никакого инцидента не произошло, все было спокойно. Помню, было около 6-ти часовъ вечера. Наступилъ сентябрь, въ воздухѣ уже не чувствовалось прежней духоты, легкій вѣтерокъ слегка рябилъ морскую поверхность, колыхая стоящій надъ палубой тентъ, подъ которымъ мы попивали чаекъ. Вдали на горизонтѣ, по направленію къ станціи, показался парусъ; черезъ нѣсколько минутъ было ясно видно, что къ намъ подвигается туркменская лодка; сначала никто изъ насъ не обращалъ на нее особеннаго вниманія; но вотъ на лодкѣ обрисовалась фигура женщины; такое непривычное здѣсь для глазъ явленіе заинтересовало насъ, тѣмъ болѣе, что кочерма явно направлялась къ шкунѣ и, подойдя къ ея трапу, спустила парусъ. Къ большому нашему удивленію и къ немалому удовольствію, мы увидѣли въ ней, обложеннаго подушками, видимо больного Кадыръ-хана и сидящую возлѣ него Саалу. Въ глазахъ измученнаго долгимъ путешествіемъ старца засвѣтилась радость. Саала быстро вскочила на площадку трапа шкуны и, улыбаясь, вся сіяющая, протягивая своему дядѣ руки, осторожно помогала ему вступить на трапъ. Кадыръ-ханъ заходилъ сперва на станцію, но, не встрѣтивъ тамъ шкуны, прибылъ на перевалъ; онъ не забывалъ случившагося несчастія съ мальчикомъ на Челекенѣ и оказанной ему помощи нашимъ докторомъ; нуждаясь въ немъ теперь самъ, пріѣхалъ къ нему за совѣтомъ. Кадыръ-ханъ пробылъ на шкунѣ трое сутокъ, и замѣтно сдѣлался бодрѣе; ему и Саалѣ мы уступили отдѣльныя каюты. Весь день Кадыръ-ханъ и Саала оставались на верхней палубѣ шкуны, гдѣ имъ было отгорожено парусомъ помѣщеніе. Въ первый день Саала держала себя особнякомъ, какъ бы стѣсняясь насъ, а на второй и третій день пила съ нами чай, обѣдала и даже рѣшилась поѣхать вмѣстѣ осмотрѣть персидскій берегъ. Съ неподдѣльной грустью спускаясь въ лодку, чтобы возвратиться на Челекенъ, она видимо неохотно разставалась со шкуной. Въ удалявшейся отъ насъ кочермѣ мы еще долго наблюдали стоявшую возлѣ мачты и смотрѣвшую по нашему направленію фигуру дѣвушки.

По прибытіи нашемъ въ Красноводскъ, въ октябрѣ 1871 года, наружный видъ его замѣтно измѣнился къ лучшему. Возведено было нѣсколько деревянныхъ строеній, гдѣ нашли себѣ пріютъ семейства служащихъ. На берегу замѣтно было непривычное для

---

¹⁾ Постовыя военныя суда поочередно отправлялись изъ Астрабадской станціи къ персидскому берегу для непосредственнаго наблюденія за туркменами.

глазъ оживленіе. Въ одно время я встрѣтилъ здѣсь караванъ изъ нѣсколькихъ верблюдовъ, пришедшій съ товарами изъ Хивы.

На Краснодарскомъ мысѣ, въ пятнадцать миляхъ на югъ отъ Краснодарскаго форта, до сихъ поръ еще можно видѣть среди ровной поверхности глубокихъ песковъ, небольшую возвышенность, которая своей формой походитъ на редутъ. Укрѣпленіе это, какъ по преданіямъ, оставшимся у туркменъ, такъ и по нѣкоторымъ описаніямъ ¹⁾, было построено отрядомъ Бековича въ 1717 году. Въ то время отсюда производились рекогносцировки по туркменской степи. Нѣсколько могилъ свидѣтельствуютъ о похороненныхъ здѣсь русскихъ воинахъ. Г. Сильванскій ²⁾, семейство котораго оставило по себѣ самую прекрасную память въ Краснодарскѣ, предложилъ офицерамъ гарнизона почтить память своихъ товарищей по оружію, составить подписку и на собранныя деньги воздвигнуть на редутѣ памятникъ къ дню 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго. Нечего и говорить, съ какой охотой и сочувствіемъ каждый отнесся къ этой прекрасной мысли, которая вскорѣ была и осуществлена. 30-го мая, въ 7 часовъ утра, паровой барказъ, имѣя на буксирѣ двѣ туркменскія лодки, стоя на рейдѣ, выпуская изъ своей трубки бѣлыми клубками пары, своимъ рѣзкимъ, пронзительнымъ свистомъ сзывалъ желающихъ отправиться на Краснодарскій мысъ, чтобъ принять участіе въ празднованіи открытія памятника.

Послѣ 3-хъ-часового плаванія мы увидѣли берегъ Краснодарскаго мыса, на которомъ тамъ и сямъ группировались туркменскія кибитки. Мы обошли мысъ и вошли въ бухту Бековича, глубина которой позволила намъ войти на довольно близкое разстояніе къ берегу. Не успѣли мы стать на якорь, какъ къ намъ подошли туркменскія лодки, предлагая свои услуги. На берегу толпа туркменъ окружила насъ и провожала къ памятнику, который былъ воздвигнутъ въ разстояніи одной версты отъ берега. Памятникъ былъ закрытъ полотномъ, и только по окончаніи панихиды, при нѣсколькихъ залпахъ одного взвода солдатъ, открылся взорамъ публики. Онъ высѣченъ изъ бѣлаго мѣстнаго камня, имѣетъ пирамидальную форму, вышиной 3 аршина, съ прямоугольнымъ основаніемъ, на каменномъ пьедесталѣ; на каждой сторонѣ его вдѣланы гипсовые доски, на одной изъ нихъ вырѣзана надпись слѣдующаго содержанія: «Красноводскій отрядъ сподвижникамъ Петра 1-го», а на другой вырѣзаны стихи:

Въ степи дикой и безмолвной
Васъ, братья, мы нашли
И теплой молитвой
Вашъ прахъ почли.

¹⁾ Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азій—М. И. Галкина.

²⁾ Сильванскій былъ присланъ отъ министерства финансовъ для собранія торговыхъ статистическихъ свѣдѣній.

Во время богослуженія туркмены толпились кругомъ насъ; лица ихъ, съ простодушнымъ и дружественнымъ выраженіемъ, обличали вопросительное недоумѣніе; изумленно подталкивая другъ друга, съ настойчивымъ вниманіемъ слушали они священное пѣніе; глаза ихъ неподвижно были устремлены на происходившее передъ ними невиданное ими еще зрѣлище. По окончаніи панихиды одинъ старикъ туркменъ, выдѣлившись изъ толпы, подошелъ къ одному изъ офицеровъ: «Скажи намъ,—спрашивалъ онъ,—зачѣмъ вы молились Аллаху и поставили памятникъ, вѣдь вы никого здѣсь не похоронили?» Слова его перевели, а затѣмъ объяснили ему смыслъ этого дня, и имя Петра перешло въ уста туркменъ. «Петро! Петро!»—повторяли они и густой массой двинулись за нами по направленію къ аулу.

Въ аулѣ для насъ была устроена палатка, возлѣ которой пылали костры; матросы жарили баранину, варили рисъ. Госпожа Сильванская подарила тремъ старшинамъ по суконному халату, они были въ восторгѣ и низко склоняли свои головы. Старшинъ этихъ мы просили пригласить туркменъ на пловъ и кибавъ. Черезъ полъ-часа чуть ли не весь аулъ утолялъ свой голодъ лакомыми блюдами; а по окончаніи своей трапезы гурьбой провожали насъ до барказа, чередуясь съ нашими пѣсельниками-матросами, издавая какіе-то гортанные и гнусливые звуки.

По возвращеніи отряда изъ рекогносцировки по туркменской степи, въ декабрѣ 1872 года, полковникъ генеральнаго штаба Маркозовъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, смѣнившій полковника Столѣтова, нашелъ необходимымъ покинуть прежніе пункты ¹⁾ расположенія войскъ и перешелъ всѣмъ отрядомъ на югъ, къ правому берегу рѣки Атрекъ, въ 52 миляхъ на сѣверо-западъ отъ Астрабадской морской станціи. Мѣстность эта называлась Чигишляръ; находившійся здѣсь аулъ, по прибытіи нашихъ войскъ, удался внутрь степи. Не вдаваясь въ разсужденіе, насколько эта низменная песчаная мѣстность удовлетворяла условіямъ хорошей стоянки, я скажу только, что при подвозкѣ моремъ всего необходимаго войскамъ здѣсь ощущались значительныя неудобства: по причинѣ отмели, суда, сидѣвшія въ водѣ 8 футовъ, могли только въ совершенно тихую погоду, не прекращая пара, останавливаться въ 3 миляхъ отъ берега, въ случаѣ же зыби они должны были уходить въ море на разстояніе отъ 6-ти до 8-ми миль. Соеобщеніе съ берегомъ можно было поддерживать только посредствомъ туркменскихъ лодокъ, которыя, несмотря на плоскодонное устройство, не могли подходить къ самому берегу и останавливались въ раз-

---

¹⁾ Такой, не обусловленный никакими выгодами, скорѣе крайне неудобный переходъ порицался многими въ отрядѣ, преимущественно людьми компетентными въ этомъ дѣлѣ.

стояніи 10 — 15 сажень. Лодки выгружались солдатами, которые иногда въ самую холодную погоду должны были таскать въ водѣ разные грузы. На скорую руку устроенныя пристани при волненіи разрушались. Чигишлярскій рейдъ защищенъ отъ вѣтра только съ восточной стороны; при незначительной зыби сообщеніе съ берегомъ дѣлалось невозможнымъ. Приходившимъ сюда съ грузомъ судамъ случалось часто останавливаться на рейдѣ около двухъ недѣль, въ ожиданіи благоприятной погоды, съ наступленіемъ которой успѣшность выгрузки совершенно зависѣла отъ количества туркменскихъ лодокъ.

По прибытіи отряда въ Чигишляръ, отношенія наши къ туркменамъ измѣнились къ худшему; не говоря уже объ отдаленныхъ племенахъ, даже ближайшіе прибрежныя аулы, находившіеся съ нами въ самыхъ миролюбивыхъ отношеніяхъ, старались уклоняться отъ исполненія требованій отряда. Казалось бы, что туркмены, не имѣющіе возможности зарабатывать себѣ дневное пропитаніе, должны были бы радоваться представившемуся случаю продать свой трудъ; но на самомъ дѣлѣ было не такъ: приходилось предпринимать самыя репрессивныя мѣры, чтобы заставить ихъ оказать необходимую съ ихъ стороны помощь. Въ туркменскихъ лодкахъ постоянно ощущался недостатокъ ¹⁾, а между тѣмъ намъ часто приходилось довольно таки поизрасходовать пороху, чтобы заставить возвратиться ту или другую лодку, которая, при малѣйшей возможности, старалась скрыться. Непривычно было видѣть подобныя къ намъ отношенія туркменъ.

Когда полковникъ Маркозовъ прибылъ въ Чигишляръ, то, какъ человекъ, незнакомый съ этимъ краемъ, въ виду предстоящей спѣшной необходимости въ значительномъ количествѣ верблюдовъ, онъ обращался за совѣтомъ къ начальнику Астрабадской станціи, капитану 1-го ранга Петриченко, который, какъ я уже говорилъ, обезпечивъ за собой нравственное вліяніе надъ туркменами, изъявилъ готовность воспользоваться имъ въ настоящемъ случаѣ, чтобы достать требуемое число верблюдовъ. Несомнѣнно, что начальникъ станціи имѣлъ бы возможность исполнить свое обѣщаніе, еслибы дѣйствія начальника отряда относительно туркменъ согласовались съ системой, принятой капитаномъ 1-го ранга Петриченко.

Въ половинѣ марта 1873 года, шкуна получила предписаніе немедленно отправиться въ Чигишляръ, для отвоза туда нѣкотораго груза, а потомъ остаться въ распоряженіи начальника отряда. Отрядъ долженъ былъ выступить въ походъ въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца; къ 1-му мая ему нужно было соединиться подъ стѣнами Хивы съ отрядомъ генерала фонъ-Кауфмана. Время вы-

¹⁾ Туркмены жаловались, что имъ мало платить за лодки.

ступленія приближалось, но верблюдовъ не было, при отрядѣ не находилось ихъ и 1.000 штукъ, а требовалось до 4.500; предлагались, наконецъ, вполнѣ выгодныя условія атрекскимъ туркменамъ за верблюдовъ, но они, не вполнѣ уже довѣряя безукоризненности общаемаго, не соглашались доставлять ихъ. У начальника отряда, находившагося въ критическомъ положеніи, явилась въ это время мысль—перевезти верблюдовъ изъ Мангишлака, и для этого зафрахтованы были почти всѣ морскія грузовыя суда общества «Кавказъ и Меркурій», которыя ожидали только приказанія отправиться въ Мангишлакъ, но вспыхнувшее тамъ возстаніе сдѣлало невозможнымъ исполненіе этой мѣры. Полагаю, что еслибъ и доставили въ то время верблюдовъ въ Мангишлакъ, то по прибытіи ихъ на судахъ въ Чигишляръ они никуда бы не годились, большая часть изъ нихъ навѣрно была бы искалѣчена послѣ такого продолжительнаго и неспокойнаго плаванія ¹⁾. Начальникъ отряда рѣшился съ частью отряда двинуться къ Атреку. Двумя переходами за эту рѣчку, ему удалось таки отбить 2.000 верблюдовъ, что составило съ прежними около 3.000, но всѣ они были большею частью слабы и безъ вожakovъ, что представляло также значительное неудобство, такъ какъ наши солдаты рѣшительно не умѣли съ ними обращаться. Не имѣя въ достаточномъ количествѣ перевозочныхъ средствъ, Красноводскій отрядъ не могъ уже быть двинуть въ полномъ своемъ составѣ; оставшіяся войска были перевезены изъ Чигишляра въ Мангишлакъ, во-первыхъ, для усмиренія мятежа, а, во-вторыхъ, для снаряженія оттуда другого отряда къ Хивѣ. Съ перваго же дня похода верблюды стали падать въ большомъ количествѣ. На пути 16-го апрѣля близъ колодца Игды отрядъ, имѣя стычку съ туркменами, отбилъ у нихъ еще 1.000 верблюдовъ и множество овецъ; случайная удача эта какъ бы подкрѣпила надежду достигнуть Хивы; но все-таки отрядъ, не имѣя возможности, по временамъ отыскивая колодцы, поднять необходимый запасъ воды, находился часто въ критическомъ положеніи. Какъ я уже упоминалъ выше, туркмены начали избѣгать всякаго соприкосновенія съ отрядомъ. Если нѣкоторые изъ нихъ и нанимались проводниками, то это были несчастные пролетаріи, совершенно незнакомые съ дѣломъ, которому брались служить; послѣдствіемъ этого было то, что отрядъ, лишенный воды, при ужасномъ зноѣ, доходившемъ до 40°, продолжая итти впередъ, подвергался бы бесполезной гибели. Благоразуміе взяло верхъ, пришлось отказаться отъ дорогихъ надеждъ, и войска, поверотивъ, двинулись обратно къ Красноводску.

Возвратился отрядъ въ половинѣ мая. Когда первые его ряды спускались съ горъ, пикетомъ, стоящимъ на посту, дано было

---

¹⁾ Въ то время свирѣствовали сильныя вѣтры.

знать объ этомъ воинскому начальнику. Вѣсть эта электрическимъ токомъ разнеслась по Краснодарску, и всѣ выбѣжали удостовѣриться въ справедливости этого слуха; глаза всѣхъ были обращены по одному направленію и пристально всматривались въ черную движущуюся массу, медленно спускавшуюся къ подножію Краснодарскихъ горъ. Скоро невеселая дѣйствительность предстала предъ глазами жителей: оборванные, истомленные солдаты едва передвигали ноги. Но что значили эти физическія страданія отряда передъ страданіями нравственными: люди эти полтора мѣсяца тому назадъ, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидавшіе своего выступленія, послѣ того, какъ прошли уже болѣе половины пути, когда уже имъ казалось, что они близки къ тому, чтобы пожать плоды своего мучительнаго томленія, должны были возвратиться, не достигнувъ своей цѣли.

С. А. Гунаропуло.

